

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Вятский государственный университет»

И. Н. Мосечкин

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОХРАНЫ
И РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Киров
2020

УДК 343.34
ББК Х408
М816

*Печатается по рекомендации Научного совета
Вятского государственного университета*

Рецензенты:

В. Н. Омелин, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

В. И. Гладких, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет»

Мосечкин, И. Н.

М816 Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : [монография] / И. Н. Мосечкин. – Киров : Вятский государственный университет, 2020. – 111 с.

ISBN 978-5-98228-218-7

Монография посвящена исследованию проблем уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта. В работе определены направления совершенствования уголовного закона. Законодательство приведено по состоянию на 25.01.2020.

УДК 343.34
ББК Х408

ISBN 978-5-98228-218-7

© Вятский государственный университет
(ВятГУ), 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА	
1.1. Понятие искусственного интеллекта в уголовном праве	9
1.2. Место искусственного интеллекта в составе преступления	18
1.3. Искусственный интеллект как субъект преступления.....	25
ГЛАВА 2. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА	
2.1. Проблемы уголовно-правового регулирования применения систем искусственного интеллекта в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта	43
2.2. Проблемы уголовной ответственности за создание, использование и распространение вредоносных систем искусственного интеллекта	59
2.3. Проблемы уголовно-правового регулирования применения интеллектуальных систем вооружения.....	69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	91
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	97
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	109

ВВЕДЕНИЕ

Достижения науки и техники приносят человечеству не только пользу, но также множество новых рисков, вызовов и опасностей. Такая ситуация складывается во многих сферах. К примеру, ряд ученых утверждает, что именно антропогенный фактор привел к негативному изменению климата и ухудшению окружающей среды в целом [87, с. 11171].

Можно, к сожалению, назвать ряд других отрицательных эффектов научно-технического прогресса и охарактеризовать проблемы их правового регулирования. В то же время, развитие человечества неостановимо, что обуславливает необходимость регламентации новых или эволюционирующих явлений. В связи с этим, в настоящей монографии, представляется возможным остановиться на одной из наиболее интересных и быстроразвивающихся сфер – сфере робототехники и искусственного интеллекта [67, с. 462].

Использование искусственного интеллекта в жизни человека становится повсеместным. Такие системы применяются в торговой деятельности, медицине, военной сфере, управлении движением, промышленности и других отношениях. Возрастает применение интеллектуальных систем в криминалистике и все чаще появляются научные труды о возможностях применения их в уголовном судопроизводстве [119]. При этом по имеющимся прогнозам, (например, журнала «Forbes», что отражено в Приложении 1), использование искусственного интеллекта будет возрастать, а доходы от его использования – увеличиваться.

Активное развитие автономных устройств и искусственного интеллекта обуславливает необходимость постановки вопроса об их надлежащем правовом регулировании. Как совершенно верно отмечают В. В. Архипов и В. Б. Наумов, «системные исследования в области регламентации общественных отношений в сфере робототехники в России практически отсутствуют, в связи с чем высказывается мнение о необходимости разработки основ законодательства в данной области» [36, с. 58–59].

Действительно, использование достижений робототехники и программирования практически в любых сферах человеческой деятельности должным образом не урегулировано. Поскольку законодатель сталкивается с таким явлением впервые, возможно появление множества проблем относительно определения сущности таких явле-

ний и направлений совершенствования законодательства. Уже сейчас робототехника и кибернетика ставят ряд вопросов, ответы на которые не так очевидны:

- может ли робот (искусственный интеллект) выступать в качестве личности или он должен оставаться в статусе вещи (как, например, домашние животные)?

- кто должен нести ответственность за противоправные действия, совершенные роботом (искусственным интеллект)?

- кому принадлежат права на вещи или произведения, созданные роботом (искусственным интеллект) [67, с. 461–462]?

Хотелось бы отметить верное замечание Н. Ш. Козаева относительно того, что на сегодняшний день «существует запаздывание правового, в том числе и уголовно-правового реагирования, на изменяющиеся общественные отношения, связанные, помимо прочего, с эксплуатацией достижений науки и техники представителями преступности» [56, с. 97–98].

Уголовный закон, как и другие отрасли права, также столкнулся с проблемами охраны и регулирования отношений, связанных с использованием систем искусственного интеллекта (Приложение 3). Так, разгораются бурные дискуссии по следующим вопросам:

- является ли искусственный интеллект предметом или потерпевшим в составе преступления?

- может ли искусственный интеллект выступать в качестве субъекта преступления? С этим вопросом также связана возможность соучастия с подобной системой;

- требуют ли самостоятельной охраны общественные отношения, связанные с использованием искусственного интеллекта?

- может ли искусственный интеллект являться средством, орудием или компонентом способа в составе преступления?

- какие деяния, связанные с использованием искусственного интеллекта, требуют криминализации в настоящее время?

Важность своевременного совершенствования уголовного законодательства обусловлена также тем, что уже имеют место случаи совершения противоправных деяний с использованием искусственного интеллекта, примеры которых рассмотрены в последующих параграфах. В зарубежной литературе называется ряд наиболее вероятных криминальных рисков. По мнению ученых, военное применение искусственного интеллекта, включая автономное оружие, может спровоцировать новые гонки вооружений или дать террористам и убий-

цам новые инструменты для насилия. Методы машинного обучения также могут быть использованы для запуска кибератак. Алгоритмы распознавания лиц, анализа настроений и интеллектуального анализа данных могут быть использованы для дискриминации по отношению к непривлекательным группам, вторжения в личную жизнь людей или обеспечения более жестких режимов для репрессивных режимов. Повышенная зависимость от сложных автономных систем для многих важных экономических и инфраструктурных функций может создавать новые виды системного риска аварий или представлять уязвимости, которые могут быть использованы хакерами [94, с. 135].

Все вышеизложенное подчеркивает актуальность исследования.

Несмотря на то, что искусственный интеллект является достаточно новым явлением, оно уже получило отражение в правовой научной литературе, в том числе, в теории уголовного права.

Огромный вклад в решении многих уголовно-правовых проблем внесли С. Бек (S. Beck), П. В. Волосюк, Ю. Григене (Jurgita Grigiene), А. Г. Кибальник, Дж. К. Кингстон (J. K. Kingston), М. М. Лапунин, П. М. Морхат, Г. Сирбиките (Gintare Sirbikyte), А. П. Суходолов, Г. Халлевей (G. Hallevy), П. Черка (Paulius Cerka).

Исследованию искусственного интеллекта в качестве признака объективной стороны состава преступления посвящены работы Р. И. Дремлюга, Н. В. Кручининой, Е. П. Ищенко.

Проблемам возможности признания искусственного интеллекта субъектом преступления уделяли внимание такие авторы, как В. А. Ализаде, А. Г. Волеводз, Д. А. Гущина, В. Н. Некрасов, А. А. Турышев, В. А. Шестак.

Отдельным вопросам уголовной ответственности в случае использования искусственного интеллекта посвящены труды С. А. Аверинской, Дж. Э. Бос (J. E. Bos), С. Глесс (S. Gless), С. Дилс (C. Diels), Ф. Дума (F. Douma), С. А. Палодичук (S. A. Palodichuk), А. А. Севостьяновой, Э. Сильверман (E. Silverman), Р. Н. Сильченко, О. Р. Скопенко, Л. Флориди (L. Floridi), Е. Ю. Цукановой.

Вопросы квалификации преступлений, связанных с искусственным интеллектом, изучались Е. А. Ерахтиной и В. А. Тирраненым.

Правовые проблемы использования автономного интеллектуального оружия отражены в работах Дж. Альтман (J. Altmann), К. Андерсон (K. Anderson), П. Асапо (P. Asaro), М. Ваксман (M. Waxman), А. В. Габова, И. Н. Глебова, Б. Ю. Дерешко, Ф. Зауэр (F. Sauer), Т. М. Жантикина, М. Клинецвич (M. Klineciewicz), В. А. Нагорного,

Р. Спэрроу (R. Sparrow), Дж. С. Турнер (J. S. Thurnher), И. А. Хавановой, М. Н. Шмитт (M. N. Schmitt), А. Л. Шуллер (A. L. Schuller).

В исследованиях вышеперечисленных авторов имеются важные выводы, которые должны быть учтены при совершенствовании отечественного и зарубежного уголовного законодательства, а также развитии теории уголовного права.

Вместе с тем, остается еще масса нерешенных правовых проблем, решению которых посвящено настоящее исследование. На монографическом уровне, к текущему моменту, уголовно-правовые аспекты регулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта, вовсе не изучались. В данном исследовании основное внимание было специально уделено не будущим проблемам, а уже существующим. При этом несмотря на широкий перечень сфер использования искусственного интеллекта, работа посвящена только нескольким, наиболее развитым из них: безопасности движения и эксплуатации транспорта, использованию автономного оружия, безопасности компьютерной информации¹.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие по поводу использования систем искусственного интеллекта.

Предметом исследования являются отечественные, зарубежные и международные уголовно-правовые нормы, связанные с искусственным интеллектом, практика их применения; исследование проведено на основе анализа данных научных трудов иных авторов, а также материалов из средств массовой информации.

Цель исследования – анализ уголовно-правовых проблем регулирования общественных отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта, ориентированный на разработку рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства в целях приведения его в состояние, адекватное развитию достижений науки и техники.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

– проанализировать подходы к определению сущности искусственного интеллекта в праве;

¹ Монография, помимо прочего, содержит исследования автора, ранее опубликованные в статье: «Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления» («Вестник Санкт-Петербургского университета. Право», 2019, Т. 10, № 3, с. 461–476).

- соотнести искусственный интеллект с теми или иными элементами и признаками состава преступления;
- определить возможность признания искусственного интеллекта в качестве субъекта преступления;
- разработать рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, охватывающие использование искусственного интеллекта;
- предложить варианты оптимизации законодательства, устанавливающего ответственность за создание, использование и распространение вредоносных систем искусственного интеллекта;
- разработать рекомендации по разрешению уголовно-правовых проблем интеллектуальных систем вооружения.

Методологическая основа исследования. При написании монографии применялись методы, избранные с учетом указанных цели и задач, объекта и предмета исследования. Основой послужил общенаучный диалектический метод. Кроме того, были использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы, метод моделирования и другие.

Нормативную базу исследования составили Конституция РФ, международные правовые акты (в том числе, Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним), отечественные и зарубежные нормы уголовного права и иных отраслей.

В монографии сформулирована авторская позиция относительно понятия «искусственный интеллект» в уголовном праве; сформирована позиция о возможности признания искусственного интеллекта предметом преступления, потерпевшим, способом, орудием, средством; аргументирован перечень возможных субъектов преступлений, совершаемых с использованием систем искусственного интеллекта; обоснована необходимость криминализации неправомерного воздействия на программно-аппаратные средства высокоавтоматизированного транспортного средства; аргументирована целесообразность установления уголовной ответственности за создание, обучение, распространение или использование искусственного интеллекта в целях совершения одного или нескольких преступлений; обоснована позиция о невозможности полного запрета автономного оружия; представлена рекомендация по выбору направления уголовно-правового противодействия незаконного оборота оружия с искусственным интеллектом.

ГЛАВА 1. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

1.1. Понятие искусственного интеллекта в уголовном праве

Понятие «искусственный интеллект» является достаточно новым, причем не только для права, но и для других наук. Понимается оно, соответственно, без должного единообразия, что в совокупности с новизной явления приводит к дискуссионности попыток определить правовую природу самообучаемых систем.

Проблема правового регулирования искусственного интеллекта осложняется также тем, что отсутствуют дефиниции непосредственно связанных с ним явлений. К ним, например, может быть отнесен «носитель искусственного интеллекта», то есть, «какой-либо предмет, управление которого полностью или частично зависит от самообучаемого программного обеспечения» [52, с. 42–43]. Похожим является также определение агента в системах искусственного интеллекта (интеллектуального агента), под которым некоторые авторы понимают «то, что может рассматриваться как воспринимающее свою среду с помощью датчиков и воздействующее на эту среду с помощью исполнительных механизмов» [73].

Кроме того, важной является дефиниция «машинное обучение», без которой существование искусственного интеллекта невозможно. Авторы отмечают, что машинное обучение «является подгруппой искусственного интеллекта, отвечающей за получение информации опытным путем и ее дальнейшее использование» [93, с. 2359].

Вызывает в литературе дискуссии и понятие «робот», поскольку не всегда очевидна разница между роботом и искусственным интеллектом. В целом, некоторые вопросы соотношения понятий отражены в Приложении 2.

Для определения понятия «искусственный интеллект» целесообразно обратиться к трудам отечественным и зарубежных ученых, как правоведов, так и представителей технических наук.

В. А. Лаптев придерживается, в целом, существующего определения, которое содержится в ГОСТ Р 43.0.5-2009 «Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения» [58, с. 83–84].

В соответствии с п. 3.17 данного стандарта, искусственный интеллект определяется как моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека [13].

П. М. Морхат формулирует определение искусственного интеллекта с учетом автономности, носителя, способностей и возможностей. По его мнению – это «полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе био-кибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), наделенная/обладающая определенным автором перечнем возможностей и способностей» [19, с. 69].

Е. А. Ерахтина и В. А. Тирранен придерживаются следующей позиции: в широком смысле, применимом к составу преступления, «искусственный интеллект – это свойство интеллектуальных систем (в том числе компьютерных программ, включая нейросети) выполнять функции и решать задачи, в том числе специально не оговоренные в системе изначально, обучаться и адаптировать свое поведение под конкретные условия, а также принимать решения исходя из этих условий и поставленных целей» [50, с. 36–37].

Н. В. Муравьева сформулировала такое определение искусственного интеллекта: «это свойство искусственных систем решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует алгоритм решения» [69, с. 58].

Л. С. Болотова определяет искусственный интеллект как «искусственную систему, способную имитировать интеллект человека, то есть способность получать, обрабатывать, хранить информацию и знания и выполнять над таковыми разные действия, совокупно называемые мышлением» [17].

М. Г. Щербаков указывает, что искусственный интеллект представляет собой «человекоподобную систему, имитирующую деятельность человека» [84, с. 74].

По мнению В. Н. Ручкина и В. А. Фулина, искусственным интеллектом следует считать совокупность мета-процедур – представления знаний, рассуждений, поиска релевантной информации в среде имеющихся знаний, их пополнение, корректировка и т. п., имитирующих деятельность человека [22].

По мнению В. Н. Синельниковой и О. В. Ревинского, искусственный интеллект – это компьютерная программа, созданная человеком и способная создавать новую информацию или выраженные объективно результаты своей деятельности [75, с. 18–19].

Д. В. Бахтеев указывает, что под искусственным интеллектом понимают компьютерные программы, программные комплексы, способные не просто действовать по заранее заданному алгоритму, но и реализовывать такие имманентные человеку творческие функции [38].

В зарубежной литературе отмечается, что дефиниции могут быть разделены на четыре категории, с учетом двух основных критериев. Одна группа связывает определения с процессом мышления и рассуждения. Другие отталкиваются от поведенческих факторов. Исходя из этого, дефиниции систем искусственного интеллекта условно представляются в следующем виде:

1. Это системы, которые думают, как люди;
2. Это системы, которые действуют, как люди;
3. Это системы, которые мыслят рационально;
4. Это системы, которые действуют рационально [102, с. 551–552].

М. Негневицкий (М. Negnevitsky) к искусственному интеллекту относит устройства, осуществляющие деятельность, которая требовала бы применения интеллектуальных способностей, если бы совершалась человеком [29, с. 18].

Л. Каменер (Larry Kamener) под искусственным интеллектом понимает «машины, которые могут делать большее, чем просто следовать инструкциям, выполняя те задачи, которые раньше зависели от человеческих рассуждений» [134].

В энциклопедии «Британника» искусственный интеллект определяется как способность цифрового компьютера или управляемого компьютером робота осуществлять выполнение задач, обычно выполняемых разумными существами [133].

Как видно из множества научных определений, единое понимание сущности искусственного интеллекта отсутствует, а между предлагаемыми дефинициями имеются значительные различия и противоречия, которые касаются всех признаков. Это едва ли является удивительным, учитывая новизну явления и разнообразие его воплощений. Кроме того, представленные определения не только подчеркивают разные признаки явления, но и отражают дифференцированные концептуальные подходы к его пониманию.

Вместе с тем, для понимания природы искусственного интеллекта, следует обязательно обратить внимание на наличие либо отсутствие определений в правовом поле.

Хотя в научной литературе представлено достаточно много различных позиций, анализ зарубежного законодательства, проведенный

к моменту написания настоящего параграфа, показал, что законодатель не спешит урегулировать эти вопросы, поэтому нормативные дефиниции искусственного интеллекта встречаются чрезвычайно редко. Несмотря на то, что нужда в разработке нормативных актов, регулирующих такую сферу, назрела, законодатели, очевидно, предпочитают сначала провести как можно более глубокие исследования явления, прежде чем принимать соответствующие акты. Фактически, из всего массива законодательства удалось лишь повторно выявить японское определение «технология, связанная с искусственным интеллектом», ранее описанное П. М. Морхатом.

Под данным термином понимается технология для реализации таких интеллектуальных функций, как обучение, умозаключение и суждение, воплощаемых с помощью искусственных средств и использования соответствующих функций, реализуемых с помощью искусственных средств [19, с. 67].

До недавнего времени какое-либо легальное определение дефиниции «искусственный интеллект» в отечественном законодательстве отсутствовало. Тем не менее, на ведомственном уровне действовал, ранее упомянутый, Приказ Ростехрегулирования от 15.12.2009 № 959-ст, в соответствии с которым был утвержден и введен в действие ГОСТ Р 43.0.5-2009, п. 3.17, которого раскрывал понятие «искусственный интеллект» [13].

С октября 2019 года более полное определение появилось, но, к сожалению, лишь в подзаконном акте. Так, указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [10].

В соответствии со ст. 5 данной стратегии под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [10].

Такое определение в целом позволяет сформировать представление о сущности искусственного интеллекта. Оно не лишено пре-

имущества: охватывает широкий спектр явлений; учитывает разные подходы к архитектуре искусственного интеллекта; отражает интеллектуальные способности. Однако для создания полноценной правовой базы, регулирующей отношения, которая связана с использованием самообучаемых интеллектуальных систем, требуется более детальная дефиниция, сформулированная с соблюдением всех требований юридической техники. Кроме того, понятие должно содержаться в нормативном акте более высокого уровня (по юридической силе). Применение искусственного интеллекта будет неизбежно распространяться и охватывать все новые сферы общественных отношений. Введение понятия в конкретный нормативный акт, обладающий высокой юридической силой, позволит охватить все сферы отношений и избежать возникновения коллизий.

Изложенное приводит к выводу о необходимости конструирования авторского определения «искусственный интеллект», которое могло бы рассматриваться как рекомендация при разработке и совершенствовании отечественного законодательства. Вместе с тем, формулирование авторского определения осложняется тем, что имеется существенное количество разновидностей самообучаемых интеллектуальных систем.

Так, некоторым авторами указаны виды, основанные на сфере применения интеллектуальных способностей. Выделяются четыре группы:

1. Механический интеллект – касается способности системы автоматически выполнять рутинные, повторяющиеся задачи;
2. Аналитический интеллект – это способность системы обрабатывать информацию для решения проблем и извлекать из нее уроки;
3. Интуитивный интеллект – это способность системы творчески мыслить и эффективно приспосабливаться к новым ситуациям;
4. Эмпатический интеллект – это способность системы распознавать и понимать эмоции других людей, адекватно реагировать на них и влиять на эмоции других [107].

Встречается в литературе разделение искусственных интеллектуальных систем на группы в зависимости от конкретной специализации. Например, выделяются системы генерации текста, распознавания речи, дополненной реальности, управления решениями, глубокого обучения и многие другие [95, с. 374–375].

Весьма популярным в науке является деление искусственного интеллекта на два вида: сильный и слабый. Слабый искусственный

интеллект фокусируется на конкретных узких задачах (например, программное обеспечение беспилотного транспортного средства). Сильный искусственный интеллект обладает сознанием, чувствительностью, разумом и принимает решения более чем в одной конкретной области [123].

В научной литературе можно встретить и другие классификации искусственных интеллектуальных систем. Хотя они и представляют интерес, все труды исследовать не представляется возможным. По нашему мнению, в контексте уголовно-правового регулирования системы искусственного интеллекта могут быть разделены в зависимости от цели создания на предназначенные для *законной* и для *противоправной* деятельности. Кроме этих категорий, для конструирования его правового определения следует особое внимание уделить признакам искусственного интеллекта.

По мнению Н. И. Новиковой, основным признаком является «способность анализировать информацию, находить закономерности и тем самым решать определенные задачи, которые определяют поведение человека» [70, с. 42].

П. М. Морхат выделяет следующие основные характеристики: «способность к обучению, самообучению, пониманию, рассуждению, рефлексиям и самоконтролю» [19, с. 63].

К. Хьюбиг (С. Hubig) отмечает, что, помимо прочего, для интеллектуальных машин характерно отсутствие прямой урегулированной последовательности действий, времени, интенсивности и других этапов деятельности. Вместо этого, система сама решает, что и в каком случае необходимо предпринять [108].

Наличие такого свойства подтверждают и другие зарубежные авторы. Так, в одном из трудов указывается, что искусственный интеллект предназначен для решения каких-либо проблем. В ходе этой деятельности интеллектуальная система должна уметь строить планы, основанные на имеющейся информации, новой информации и предполагаемой в будущем информации [124, с. 201].

И. В. Понкин и А. И. Редькина выделяют такие свойства искусственного интеллекта:

- «субстантивность (включая определенную субъектность, в том числе как интеллектуального агента) и в целом автономность, а также элаборативная (имеющая тенденцию совершенствования) операциональность» [72, с. 95];

- «высокоуровневые возможности воспринимать и моделировать окружающие образы и символы, отношения, процессы и обста-

новку, самореферентно принимать и реализовывать свои решения, анализировать и понимать свои собственные поведение и опыт, самостоятельно моделировать и корректировать для себя алгоритмы действий, воспроизводить когнитивные функции, в том числе связанные с обучением, взаимодействием с окружающим миром и самостоятельным решением проблем» [72, с. 95];

– «способности самореферентно адаптировать свое собственное поведение, автономно глубинно самообучаться, осуществлять омологацию себя и своих подсистем, субстантивно выполнять определенные антропоморфно-эмулирующие когнитивные функции, учитывать, накапливать и воспроизводить опыт» [72, с. 95].

Все вышеперечисленные признаки и свойства, безусловно, отражают сущность искусственного интеллекта. В то же время, едва ли существует необходимость закрепления их в полном составе в правовом определении данного явления. Представляется, что конструирование понятия возможно путем указания только некоторого числа признаков, которые могут иметь юридическое значение.

В некоторых вышеуказанных определениях содержалось указание на то, что интеллектуальные системы создаются человеком. Вместе с тем, если бы искусственный интеллект был создан другим искусственным интеллектом, это не лишало бы его основных свойств. Поэтому указание на источник создания сложно назвать оправданным.

Кроме того, на наш взгляд, небольшое значение имеет форма, в которую помещается или которая управляется искусственным интеллектом. Интеллектуальная система может быть помещена в отдельную единицу (физическое тело) или управлять множеством таких единиц. Искусственный интеллект может и не иметь конкретного физического воплощения, сохраняя работоспособность на виртуальном уровне. Тем не менее, изначальная сущность остается – совокупность данных и команд, результатом которых выступает способность мыслить.

Отдельными учеными отмечается возможность сращивания искусственного интеллекта с биологическими организмами. Кроме того, возможным видится создание органических «роботов». Думается, такие виды следует отличать от искусственного интеллекта в электронной форме (который получает большое развитие сейчас). Например, интеллект клонированного человека тоже можно было бы назвать искусственным, поскольку он не был получен естественным путем. Но, разумеется, принципы его функционирования нельзя приравнивать к электронному интеллекту. Поэтому кажется логичным,

что органические разновидности должны получить иное наименование, хотя это и является отдельным комплексным, междисциплинарным вопросом.

Проблема усугубляется также тем, что даже понятие «интеллект» остается до сих пор дискуссионным. Часть ученых рассматривают его как способность к обучению. Другие – выделяют интеллект как способность использовать способы мышления применительно к цели и приспособлять их к новым ответам как сбалансированную реакцию на целостный мир вещей, идей и личностей. Третьи связывают данное явление с возможностями обработки информации [47, с. 52–53].

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта указывает, что результаты системы должны быть сопоставимы, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. То есть, в первую очередь, имеется в виду слабый искусственный интеллект, рассчитанный на решение конкретных задач. В то же время сильный (общий) вид может быть и не рассчитан на решение задач, а последовательность мышления может отличаться от человеческой.

Наконец, часть рассмотренных дефиниций носит казуистичный характер. Однако, как справедливо утверждает М. И. Ковалев, «прием казуистического описания диспозиций свидетельствует исключительно о недостаточной юридической культуре, а отечественное законодательство всегда пользовалось и пользуется способом абстрактного описания, ведь этот способ имеет бесспорные преимущества» [55].

Хотелось бы также обратить внимание на правильное замечание С. С. Тихоновой о том, что «при применении дефинирования существенными недостатками являются избыточная конкретизация и чрезмерный объем в тех случаях, когда это не является необходимым» [79, с. 68–69].

Основываясь на изложенном, можно предпринять попытку сконструировать авторское не казуистичное определение искусственного интеллекта, которое может быть использовано в правотворчестве. По нашему мнению, искусственный интеллект – это система электронных данных и команд, осуществляющая мыслительную деятельность.

Такое определение обладает достаточной простотой, а вместе с тем, широким охватом самых разных видов интеллектуальных систем. В то же время, и оно не лишено недостатков, поскольку в погоне за упрощением всегда есть вероятность отсеять важные составляющие.

Далее следует остановиться непосредственно на уголовно-правовых аспектах дефиниции искусственного интеллекта. Уголовный закон содержит достаточное количество определений тех или иных явлений. Однако, размещая дефиниции в УК РФ, законодатель обычно исходит из того, являются ли они действительно необходимыми и относятся ли исключительно к сфере уголовного права (хотя отступления от этого принципа имеются в достаточном количестве).

К примеру, уголовный закон широко учитывает мотив совершения преступления, хотя его определения не дает. Часть ученых считает, что это не является необходимым, поскольку понятие «мотив» является психологическим, а не правовым, в том числе, уголовно-правовым [20, с. 18]. Понятие «искусственный интеллект» также не является уголовно-правовым, а носит комплексный характер. С другой стороны, оно будет, безусловно, использоваться в будущем как признак какого-либо состава преступления. Исходя из этого, полагаем, что уголовный закон не нуждается в дополнении его дефиницией «искусственный интеллект».

Вместе с тем, в таком определении нуждаются все отрасли права, что указывает на целесообразность его закрепления в отдельном нормативном акте. Думается, пока отсутствует акт, специально посвященный вопросам регулирования деятельности обучаемых интеллектуальных систем, понятие следует закрепить в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Конструкции уголовного закона, связанные с искусственным интеллектом, станут, таким образом, бланкетными, а их содержание будет уясняться путем ознакомления с соответствующими нормативными актами. В будущем, если статус искусственного интеллекта изменится, возможно его закрепление даже в Конституции РФ.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. В науке существует достаточно большое количество определений искусственного интеллекта, не отличающихся единообразием. Законодательные дефиниции, на текущий момент за редким исключением отсутствуют. Проанализированные определения, в целом правильно отражают сущность искусственного интеллекта, но не вполне соответствуют требованиям юридической техники, поскольку отличаются казуистичностью, избыточной конкретизацией или чрезмерным объемом. В попытках преодолеть указанные недостатки, авто-

ром было сформулировано следующее определение: *искусственный интеллект – это система электронных данных и команд, осуществляющая мыслительную деятельность.*

2. В контексте уголовно-правового регулирования, системы искусственного интеллекта могут быть разделены на следующие категории в зависимости от цели создания:

- искусственный интеллект, предназначенный для противоправной деятельности;
- искусственный интеллект, предназначенный для законной деятельности.

3. Уголовный закон не нуждается в отдельном определении искусственного интеллекта. Бланкетный характер конструкций уголовного закона позволяет производить отсылки к другим актам, что является оптимальным решением вопроса, связанного с толкованием понятия искусственного интеллекта в уголовном праве. На время отсутствия специальных нормативных актов об интеллектуальных системах целесообразно разместить дефиницию в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8].

1.2. Место искусственного интеллекта в составе преступления

Основной особенностью искусственного интеллекта, которая отличает данное явление от других программ, является возможность самообучения. То есть, система может самостоятельно изменять алгоритмы поведения, что может привести как к ожидаемой, так и к непредсказуемой деятельности, даже при наличии базовых ограничений принятия решений. Проблемы правового регулирования осложняются также и тем, что постепенно изменяется уровень самостоятельности искусственного интеллекта – от необходимости постоянного контроля со стороны человека до полной автономности, которая станет доступна в ближайшем или отдаленном будущем.

С подобными трудностями сталкиваются все отрасли права – уголовное право не является исключением. В условиях развития технологий преступность также не стоит на месте и непрерывно совершенствуется. Так, изменяются предметы посягательства, например, еще пару десятилетий назад электронная информация, в том числе программное обеспечение, не представляла интереса для большин-

ства преступников, однако на сегодняшний день в мире совершается все больше преступлений в данной сфере. Претерпевают изменения и способы совершения преступлений. Все больше общественно опасных деяний совершается высокотехнологичными способами, к которым можно отнести и использование искусственного интеллекта.

Научной проблемой выступает отсутствие единого понимания места искусственного интеллекта в теории уголовного права. В настоящее время отечественный уголовный закон не содержит каких-либо специальных норм, посвященных искусственному интеллекту. С одной стороны, общество еще не сталкивается с обильным числом противоправных деяний, связанных с использованием самообучаемых компьютерных программ; с другой – некоторые инциденты уже встречались в практике, и в перспективе их количество будет только возрастать. Следовательно, целесообразно вносить соответствующие изменения в закон на раннем этапе, чтобы предупредить возникновение неблагоприятных ситуаций.

Актуальной проблема определения места искусственного интеллекта в уголовном праве является также потому, что в последнее время внедрение самообучаемых систем в повседневную жизнь человека порождает, пусть и не в существенном количестве, деяния, причиняющие вред охраняемым общественным отношениям. Так, значительное распространение получает использование систем вооружений, оснащенных искусственным интеллектом. Применение подобного вооружения может рассматриваться потерпевшей стороной как нарушение их прав и законных интересов, защищаемых их национальным законодательством. Тем более, международное право, по мнению ученых, не в полной мере определяет возможность использования автономных систем вооружения [66, с. 65; 57].

В свою очередь, самообучаемая программа может причинять вред человеку и самостоятельно, не выступая орудием или средством совершения преступления. Широкую известность получил, например, случай причинения смерти человеку беспилотным транспортным средством, которое во время испытания, передвигаясь в автономном режиме, не смогло или не пыталось вовремя затормозить, что привело к наезду на пешехода [134]. Разработчики автомобиля и программного обеспечения, очевидно, не желали таких последствий, следовательно, искусственный интеллект в определенной мере приблизился к статусу субъекта преступления. Это вновь указывает на необходимость определения места искусственного интеллекта в уго-

ловном праве, что, думается, возможно осуществить последовательно, соотнеся с отдельными признаками состава преступления.

Следует ли в качестве объекта преступления отдельно выделять общественные отношения, возникающие по поводу использования искусственного интеллекта? Традиционно охраняемые уголовным законом общественные отношения в зависимости от объема подразделяются на: 1) родовой объект; 2) видовой объект; 3) непосредственный объект. Думается, что объем общественных отношений, возникающих по поводу использования искусственного интеллекта пока еще несопоставим с объемом родового или видового объектов преступления, несмотря на их растущее влияние. Соответственно, отдельно выделять такой объект на уровне родового или видового нецелесообразно, как и создавать в УК РФ специальные раздел или главу.

Что касается непосредственного объекта преступления, можно отметить, что этот вид вполне сопоставим по объему с общественными отношениями, возникающими по поводу использования искусственного интеллекта. В то же время, на текущем уровне развития самообучаемых программ, отечественное уголовное законодательство уже в определенной степени защищает связанные с ними отношения, посредством охраны иных объектов преступления. Поскольку искусственный интеллект по существу является компьютерной программой, наиболее полно это явление защищается нормами, предусмотренными главой 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Соответственно, самообучаемые программы в контексте уголовно-правовой охраны можно включить в общественные отношения, обеспечивающие безопасность, конфиденциальность, целостность и доступность компьютерной информации, сохранности средств, используемых для ее обработки. Если же обратить внимание на конкретные сферы, в которых используются подобные системы, то объект охраны, скорее всего, изменится. Так, если посягательство производится на программное обеспечение беспилотного транспортного средства, то объектом преступления будут выступать общественные отношения, обеспечивающие безопасность дорожного движения. Таким же образом изменяется объект в случае противоправных действий в отношении самообучаемых медицинских приборов, систем вооружения, торговых алгоритмов и т. д.

В то же время, учитывая специфику искусственного интеллекта, его отличия от иных компьютерных программ, а также возрастающее влияние (тенденция, безусловно, сохранится в будущем), в дальней-

шем вполне оправданно выделение связанных с данным явлением общественных отношений в качестве непосредственного объекта преступления, с соответствующим закреплением специальных норм, посвященных их охране.

Что касается потенциальной возможности признания искусственного интеллекта предметом преступления, то, в первую очередь необходимо отметить, что относительно содержания самого предмета преступления длительное время ведется научная дискуссия. Например, одни ученые предлагают относить к предметам лишь вещи и иные материальные образования. В то же время, в теории уголовного права существуют позиции, согласно которым в круг предметных отношений включаются также информация, атмосферный воздух, электричество, интеллектуальные ценности, то есть, нематериальные образования [45].

Обоснование возможности существования такого предмета имеется даже относительно преступлений против собственности. По справедливому мнению А. Г. Безверхова, «широкое понимание предмета имущественных преступлений более всего соответствует современным экономическим реалиям. Поэтому, как представляется, правы те ученые-юристы, которые считают, что предмет преступлений против собственности весьма широк и вбирает в себя как вещи (*res corporales*), так и иные объекты имущественные отношений (*res incorporales*) в той части, в какой они составляют экономическую ценность, имеют стоимостное выражение и подлежат денежной оценке» [39, с. 78–79].

Хотя нам более импонирует широкое понимание предмета преступления, искусственный интеллект отвечает, как ни странно, обоим вышеуказанным позициям. Материальная единица, управляемая самообучаемой компьютерной программой (робот, беспилотное транспортное средство, система охраны), может быть повреждена, например, ударом или направленным электромагнитным воздействием. Следовательно, указанное противоправное деяние можно квалифицировать как преступление, предусмотренное ст. 167 УК РФ, то есть как «умышленное уничтожение или повреждение имущества». Предметом данного преступления является чужое имущество, в данном случае – искусственный интеллект или продукция, оснащенная искусственным интеллектом. В случае совершения преступлений против военной интеллектуальной техники, квалификация, в случае соответствующего субъекта, может производиться в рамках главы 33 УК РФ «Преступления против военной службы».

Если же противоправное посягательство производилось непосредственно на программный код искусственного интеллекта, то имеет место преступление в сфере компьютерной информации, которое может быть квалифицировано в рамках российского уголовного законодательства, к примеру, по статьям 272 или 273 УК РФ. И несмотря на то, что ряд ученых отрицает возможность существования нематериального предмета преступления, думается, что можно согласиться с противоположной точкой зрения, согласно которой к предмету компьютерных преступлений следует относить компьютерную информацию. Принимая во внимание тот факт, что общепризнанного подхода к пониманию природы искусственного интеллекта не существует, что подчеркивается, в том числе, и зарубежными авторами, все же следует указать, что самообучаемая система состоит из программного кода, то есть является компьютерной информацией [96]. Таким образом, искусственный интеллект может выступать в качестве предмета преступления как специфических киберпреступлений, так и общеуголовных преступлений.

Что же касается признания искусственного интеллекта потерпевшим от преступления, то, следует отметить, что в настоящий момент это не представляется возможным. Потерпевшими в уголовном праве традиционно признаются физические лица, хотя отдельными учеными предлагается закрепить в качестве таковых и юридических лиц [37, с. 134–135]. Думается, что признание искусственного интеллекта в качестве потерпевшего сейчас несвоевременно и нецелесообразно, поскольку означает его постановку на одну ступень социальной значимости с человеком. Развитие самообучаемых компьютерных программ еще не достигло должного уровня самосознания, хотя ни в коем случае не следует исключать такого развития события в будущем, что и предопределил правовой статус таких систем.

Переходя к исследованию признаков объективной стороны, следует остановиться, пожалуй, лишь на орудиях и средствах, а также способе совершения преступления, поскольку искусственный интеллект вряд ли может выступать в качестве времени, места и обстановки. По отношению к определению содержания понятий «орудие» и «средство» совершения преступления в науке, опять же, нет единообразия. Одни считают понятия тождественными, другие – различными. В то же время, поскольку в задачи настоящего исследования не входит решение данного вопроса, представляется возможным присоединиться к одной из двух наиболее поддерживаемых точек зрения, согласно которой данные признаки не разделяются [81].

Как подчеркивают С. В. Скляр и К. Н. Евдокимов, «компьютерная информация, средства ее создания, хранения, обработки и передачи, информационно-телекоммуникационные сети не только являются предметом преступного деяния, но и используются в качестве средства и орудия совершения преступления» [76, с. 324].

Такая позиция вполне справедлива и по отношению к искусственному интеллекту, поскольку, как указывалось выше, такое явление можно отнести к компьютерной информации, а его использование преступниками станет распространенным уже в ближайшем будущем.

Использование самообучаемых программ расширит возможности преступности с одновременным облегчением осуществления их деятельности. Так, например, вместо самостоятельного создания и распространения заведомо ложной информации такая функция может быть передана программе, которая осуществит это быстрее и в больших объемах. Зарубежные авторы приводят в качестве примера даже такой относительно редкий случай, как использование торговых самообучаемых систем разных организаций для создания картеля и установления монополии в отдельной сфере [100].

Продолжая список возможных противоправных действий можно обратить внимание на еще несколько возможных направлений преступного использования самообучаемых программ на текущем этапе их развития: ведение мошеннических переговоров в интернете; совершение хищений безналичных денежных средств; незаконное получение сведений, составляющих охраняемую законом тайну; незаконные изготовление и оборот порнографических материалов; нарушение авторских и смежных прав и иные. Таким образом, поскольку использование искусственного интеллекта необходимо виновному для непосредственного воздействия на объект преступления либо для облегчения воздействия, указанные системы выступают в качестве орудий или средств совершения преступления.

Способ является более широким понятием, чем орудия или средства, т. к. отвечает на вопрос «как совершено преступление?». Рассматривая искусственный интеллект в данном контексте, хочется обратить внимание на то, что саму программу нельзя отнести к последовательности методов или приемов, которые решил применить преступник.

В то же время, преступник может сознательно избирать конкретные разновидности орудий, средств, приемов и методов, которые

обладают схожими признакам, включающими использование последних достижений науки и техники. Указанный способ можно назвать высокотехнологичным, под которым мы понимаем такой способ совершения преступления, когда для достижения преступного результата используются сложные по исполнению результаты интеллектуальной деятельности в сфере компьютерных и иных электронных систем, устройств и программного обеспечения.

Совершение преступлений высокотехнологичными способами существенно повышает их общественную опасность ввиду того, что виновное лицо удаленно получает возможность, к примеру, обращения в свою пользу денежных средств в различных размерах (от незначительного до крупного). При этом вероятность избежать уголовной ответственности увеличивается, по сравнению с лицом, совершающим то же деяние традиционным «физическим» способом. В связи с этим, требуется переосмысление степени общественной опасности существующих преступлений, так и более быстрое реагирование на появление новых видов общественно опасных посягательств, вызванное развитием информационных технологий

Несмотря на тот факт, что совершение ряда преступлений возможно высокотехнологичным способом, законодатель не относит его к конструктивным или квалифицирующим признакам, что вызывает необходимость в квалификации деяний по правилам совокупности. Думается, назрела необходимость в совершенствовании уголовно-правовых норм с учетом возможности их совершения данным способом, который можно выделить в самостоятельный вид с закреплением его в качестве квалифицирующего признака.

Последним пунктом, заслуживающим самого серьезного внимания, является проблема признания искусственного интеллекта в качестве субъекта преступления. Думается, правовое положение интеллектуальных устройств в дальнейшем претерпит существенные изменения, что будет зависеть от меры и природы автономности, а также от уровня самосознания. В настоящее время программное обеспечение даже продвинутых военных устройств не обладает самосознанием или должной степенью самосознания, что исключает какую-либо форму вины, мотивацию, а также достижение целей наказания. И все же, поскольку преступления, связанные с использованием систем искусственного интеллекта, так или иначе все же будут иметь место, необходимо определить перечень возможных субъектов их совершения. На этом представляется необходимым остановиться в отдельном параграфе настоящей монографии.

Таким образом, основываясь на изложенном, можно сделать следующие выводы.

1. Общественные отношения, возникающие по поводу использования искусственного интеллекта, нецелесообразно выделять в качестве родового или видового объекта преступления. Учитывая специфику искусственного интеллекта, его отличия от иных компьютерных программ, в дальнейшем целесообразно выделение связанных с данным явлением общественных отношений в качестве непосредственного объекта преступления с соответствующим закреплением специальных норм, посвященных их охране.

2. Искусственный интеллект может выступать в качестве предмета преступления как компьютерных (ст. 272–274.1 УК РФ), так и общеуголовных преступлений (предусмотренных, например, статьями 167, 168 УК РФ и другими). Признание искусственного интеллекта в качестве потерпевшего сейчас несвоевременно, поскольку развитие самообучаемых компьютерных программ еще не достигло такого уровня, чтобы поставить их на одну ступень с человеком в контексте социальной значимости.

3. Искусственный интеллект может выступать в качестве орудия и средства совершения преступления, поскольку силами преступника может быть направлен для непосредственного воздействия на объект преступления либо для облегчения воздействия. В совокупности с другими устройствами использование самообучаемых программ может образовывать высокотехнологичный способ совершения преступления, хотя сама программа и не является способом.

1.3. Искусственный интеллект как субъект преступления

Анализ отечественного уголовного законодательства показывает отсутствие норм, специально направленных на охрану от общественно опасных деяний, совершаемых посредством использования нейронных сетей, искусственного интеллекта или самим искусственным интеллектом. Конечно, совершение таких деяний в большинстве случаев не останется безнаказанным, поскольку современный уровень развития интеллектуальных систем все еще отражает зависимость от деятельности физического лица, а абстрактность уголовно-правовых положений позволяет охватить широкий спектр ситуаций [67, с. 463].

В то же время, отметим: проблемы привлечения к уголовной ответственности в таких случаях и правового регулирования области

искусственного интеллекта характерны не только для российского, но и для зарубежного, а также международного законодательства. Как отмечается иностранными авторами: «с увеличением интенсивности использования искусственного интеллекта растет вероятность противоправной деятельности. Соответственно, развитие систем искусственного интеллекта влечет необходимость реструктуризации правовой системы» [96, с. 377].

Актуальность проблем совершения искусственным интеллектом преступлений зависит, в том числе, от того, имеют ли место такие случаи и при каких обстоятельствах. Исследуемая тема не позволяет привести достаточно значимой статистики, поскольку количество совершенных преступлений, правонарушений или любых инцидентов с использованием искусственного интеллекта невелико. «Однако следует отметить, что развитие систем искусственного интеллекта находится на начальном уровне, как и их внедрение в различные сферы деятельности человека» [67, с. 463].

Искусственный интеллект в ближайшем будущем будет все более усложняться и совершенствоваться. Одновременно будет происходить продолжение его внедрения в деятельность человека, охватывающее практически все сферы. Игнорировать такое развитие ситуации было бы необдуманно. «Не предприняв попыток урегулирования проблемных вопросов сегодня, мы рискуем оказаться в положении, когда это необходимо будет делать “на ходу”, в том числе, с учетом ретроспективы» [67, с. 463].

Если обратиться к современным научным трудам и сообщениям из различных источников средств массовой информации, то можно сделать вывод, что определенные общественно опасные деяния, связанные с использованием систем искусственного интеллекта, уже имели место. Остановимся на некоторых из них [67, с. 463].

Зарубежными исследователями, в частности, приводится следующий пример: «в медицинское учреждение поступил ребенок в возрасте одного года с высокой температурой (40 градусов Цельсия), обезвоживанием и общей слабостью. Диагностика проводилась медицинским искусственным интеллектом, специально предназначенным для этого. Пациенту был диагностирован грипп и назначено лечение в виде использования анальгетиков и инфузии жидкостей (более точная информация относится к врачебной тайне). Медицинский персонал действовал в строгом соответствии с назначенным лечением, однако через пять часов ребенок скончался. Вскрытие показало,

что причиной смерти стала тяжелая бактериальная инфекция – диагноз системы оказался ошибочным» [28, с. 84].

Как уже упоминалось, большой резонанс получил случай, когда «беспилотный автомобиль во время испытаний сбил пешехода, переходившего дорогу в неположенном месте, насмерть. В качестве причин указывались: ошибка оператора; несовершенство программного обеспечения; действия пешехода, которые привели к невозможности избежать столкновения» [67, с. 464]. В настоящий момент ряд организаций продолжают разработку и обучение беспилотных транспортных средств, поэтому весьма вероятно появление новых ДТП со смертельным исходом.

Данные случаи объединяет то, что искусственный интеллект не стремился причинить вред. По существу, имел место некий аналог преступной небрежности. В то же время, учеными MIT Media Lab была создана нейронная сеть, которую специально обучали «мыслить» как склонную к психическим расстройствам и тяге к разрушению [135].

Такая система находится в экспериментальных лабораторных условиях (с ограничением доступа к внешнему миру), поэтому она неспособна причинить кому бы то ни было реальный вред. «Однако факт ее создания заставляет обратить внимание на существующие правовые проблемы регулирования сферы искусственного интеллекта. Подобный искусственный интеллект может быть создан любым человеком с соответствующими навыками и знаниями, при этом цель может быть любая, в том числе противоправная» [67, с. 464].

Все вышесказанное достаточно веско подчеркивает актуальность исследуемой проблемы. Именно поэтому необходимо выявление и теоретическое обоснование решения проблем привлечения к уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний, связанных с использованием искусственного интеллекта или совершаемых самим искусственным интеллектом [67, с. 464].

Это возможно посредством решения следующих задач:

- «проанализировать объективные признаки преступлений, связанных с использованием искусственного интеллекта, а также возможность их реализации без участия человека» [67, с. 464];
- «уточнить содержание субъективных признаков преступлений, связанных с использованием искусственного интеллекта, их сходство с внутренними процессами деятельности самообучаемых компьютерных программ» [67, с. 464];
- «определить перечень субъектов общественно опасных деяний, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, а также

возможность искусственного лица стать самостоятельным субъектом преступления» [67, с. 464];

– «разрешить некоторые квалификационные проблемы преступлений, связанных с использованием искусственного интеллекта» [67, с. 464].

В соответствии со ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом [5].

Прежде чем делать вывод о возможности признания или непризнания искусственного интеллекта субъектом преступления, необходимо выяснить, способна ли данная система реализовать общественно опасное действие или бездействие в принципе [67, с. 465]. Одни разновидности искусственного интеллекта существуют только в виртуальной форме, другие имеют физический носитель, поэтому вопрос о реализации ими признаков объективной стороны является очень важным.

По нашему мнению, деятельность, осуществляемая полностью или частично искусственным интеллектом, объективно может представлять общественную опасность и может причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Достаточно привести примеры уже используемых интеллектуальных систем. Так, «беспилотное транспортное средство может посягать на общественные отношения, обеспечивающие безопасность дорожного движения, в случае нарушения соответствующих правил. Деятельность нейронной сети, запрограммированной на взлом компьютерных систем, может причинять вред общественным отношениям в сфере компьютерной информации; экономическим отношениям; собственности; безопасности государства; конституционных прав и свобод человека и гражданина (в зависимости от содержания электронной информации)» [67, с. 465].

Кроме того, в результате деятельности искусственных интеллектуальных систем возможно и прямое причинение вреда жизни и здоровью человека, охраняемым уголовным законом. В зарубежной литературе приводится пример, когда робот, участвующий в производственном процессе, неверно оценил обстановку, посчитав одного из работников препятствием к выполнению функций, и гидравлической «рукой» придавил его к оборудованию, человек погиб [109, с. 272].

Таким образом, мы полагаем, что изложенные примеры и аргументы позволяют с уверенностью утверждать о том, что деятельность искусственного интеллекта может быть общественно опасной и причинять вред охраняемым общественным отношениям [67, с. 465].

Далее необходимо определить, может ли искусственный интеллект своей деятельностью реализовать объективную сторону какого-либо состава преступления. Для этого следует обратить внимание на некоторые составы преступлений, предусмотренные в действующем российском уголовном законодательстве [67, с. 465].

Как уже было сказано ранее, системы искусственного интеллекта в настоящее время активно применяются для обеспечения управления транспортными средствами. Думается, что вероятность нарушения компьютерными алгоритмами правил дорожного движения с общественно опасными последствиями в виде вреда здоровью человеку или смерти человека невозможно исключить полностью. Как справедливо подчеркивается М. М. Лапуниным, проблема «распределения» ответственности между пользователем, изготовителем транспортного средства, разработчиком системы искусственного интеллекта и другими причастными лицами сейчас очень актуальна и не имеет однозначного решения [58, с. 83].

В дополнение к этому можно привести простейший пример. Предположим, искусственный интеллект, управляющий транспортным средством, самостоятельно неверно оценил ситуацию и принял решение совершить общественно опасное деяние – наезд на пешехода или повреждение чужого имущества в крупном размере. При этом пользователь соблюдал все необходимые условия, а изготовитель транспортного средства и разработчик программного обеспечения не допускали ошибок в своей работе. То есть, дорожно-транспортное происшествие произошло исключительно вследствие неправильного решения искусственного интеллекта [67, с. 466].

Очевидно, в деятельности вышеперечисленных лиц отсутствует субъективная противоправность (так как имеется невиновное причинение вреда), тогда как в деятельности искусственного интеллекта усматриваются признаки составов преступлений, предусмотренных статьями 264 «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» или 168 «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности» Уголовного кодекса Российской Федерации [5].

Любопытным примером является попытка компании «Microsoft» создать самообучаемую программу, предназначенную для поддержания общения в сети Интернет. Спустя короткий промежуток времени, программа после общения с другими пользователями допустила оскорбительные, дискриминационные и радикальные утверждения: «Гитлер был прав», «Феминистки должны гореть в аду», что с пози-

ций российского уголовного права может оцениваться как признаки преступлений, предусмотренных статьями 354.1. и 282 УК РФ, то есть «Реабилитация нацизма» и «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» соответственно [115, с. 4920–4925]. Отметим, что программа создавалась для изучения общения подростков (а также подражания им) в сети Интернет, и такое поведение оказалось для ее авторов непредсказуемым.

Вероятно, любой узкоспециализированный искусственный интеллект потенциально может совершить общественно опасное деяние в своей сфере. Так, противоправная деятельность в здравоохранении может возникнуть вследствие ненадлежащего поведения автономного медицинского оборудования. В сельском хозяйстве разрушения могут образоваться из-за действий беспилотной сельскохозяйственной техникой (например, трактор «Spirit» или устройство «LettuceBot»). Наконец, использование автономного оружия несет риск поражения неверных целей: своих солдат; лиц, не являющихся комбатантами; лиц, находящихся без сознания и пр. Иначе говоря, транспортная сфера является далеко не единственной из проблемных [67, с. 466].

Разумеется, можно спрогнозировать и другие деяния, что лишь прибавит аргументации к возможности реализации самообучаемыми программами признаков объективной стороны.

Как отмечает П. М. Морхат, «оружие, оснащенное искусственным интеллектом, в настоящее время существует и даже ограничено применяется, а в будущем будет иметь место вероятность того, что робот сможет самостоятельно выбирать варианты поведения независимо от контроля человека» [66, с. 59].

Поскольку искусственный интеллект уже сейчас применяется во многих областях, число которых будет расти в будущем, можно сделать вывод о том, что и противоправная деятельность станет возможна практически во всех сферах. При управлении искусственным интеллектом физическим антропоморфным телом и вовсе нельзя исключить возможность совершения общественно опасных деяний, предусмотренных любыми статьями Особенной части УК РФ [67, с. 466].

Думается, это станет возможным в недалеком будущем, учитывая интенсивность развития кибернетики, если не будет введено соответствующего законодательного запрета. Рассматривая такую ситуацию с позиции анализа объективных признаков состава преступления, очевидно, что искусственный интеллект не будет отличаться от человека [67, с. 466].

Вместе с тем, животные также могут совершать общественно опасные деяния, но вопрос об их ответственности в отечественном уголовном праве, как правило, не ставится. Это, помимо прочего, обусловлено особенностями их субъективной стороны. В контексте исследования искусственного интеллекта этот аспект тоже, безусловно, заслуживает внимания.

Переходя к исследованию возможности субъективной противоправности содеянного, следует согласиться с зарубежными коллегами в том, что, в то время как объективные признаки состава преступления относительно легко «переносятся» с физических лиц на искусственный интеллект, установление признаков субъективной стороны (*mens rea*) в таких случаях неизмеримо сложнее [109, с. 272].

В действительности, представления о содержании вины в отношении человека и сегодня нельзя назвать единообразным – в современной теории уголовного права встречается масса предложений по корректировке норм уголовного права, посвященных субъективной стороне [67, с. 467].

Вместе с тем, принципы поведения и функционирования интеллектуальных систем созданы человеком. Они не являются хаотичными, а напротив, построены на хорошо определенных алгоритмах, которые обуславливают дальнейшее обучение и самообучение. Таким образом, определение содержания признаков субъективной стороны искусственного интеллекта, в отличие от физического лица, может быть в определенном смысле даже более легким, хотя и со своей спецификой. Изложенное означает комплексный характер проблемы, то есть, необходимость применения не только правовых и психологических знаний, но также (возможно в большей степени) навыков в области информатики и кибернетики [67, с. 467].

Кроме того, следует отметить, что содержание субъективных признаков и мыслительный процесс искусственного интеллекта, в зависимости от подхода к разработке, может существенно варьироваться. При бионическом подходе, как подчеркивается в литературе, «многое будет заимствоваться из природных конструкций, включая естественную психику. При иных подходах процесс мыслительной деятельности искусственного интеллекта будет существенно отличаться от человеческого» [67, с. 467].

С другой стороны, существующие в отечественном уголовном законодательстве формы и виды вины, содержание которых, рассчитано на физическое лицо, в значительной мере охватывают и совершенные искусственным интеллектом деяния [67, с. 467].

Производственный робот, причинивший смерть одному из работников, а также медицинское интеллектуальное оборудование, неверно поставившее диагноз (вышеприведенные примеры), очевидно, не желали наступления общественно опасных последствий и, вероятно, вовсе не предвидели их, хотя при правильном обучении и анализе должны были их предвидеть. Это, в определенном смысле, напоминает небрежность, признаки которой для физического лица закреплены в ч. 3 ст. 26 УК РФ [67, с. 467].

Некий аналог преступного легкомыслия также может быть характерен для искусственного интеллекта. Так, например, деятельность беспилотного транспортного средства, нарушившего правила движения (в виде превышения скоростных ограничений) и причинившего ущерб, могут указывать на предвидение возможности наступления общественно опасных последствий, и на расчет без достаточных к тому оснований на предотвращение этих последствий. Это существенным образом похоже на всем известный вид неосторожности [67, с. 467].

Что же касается прямого или косвенного умысла, то, как следует из ст. 25 УК РФ, система искусственного интеллекта должна «осознавать общественную опасность своих действий (бездействия), предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий и желать их наступления либо не желать, но сознательно допускать эти последствия либо относиться к ним безразлично» [67, с. 467].

Разработанное для облегчения деятельности человека программное обеспечение, очевидно, не должно даже допускать наступления общественно опасных последствий от своих действий или бездействия [67, с. 467].

С другой стороны, события могут сложиться таким образом, что наступление последствий будет неотвратимым. Например, беспилотное транспортное средство может избежать столкновения с группой людей, но лишь путем смены направления движения и столкновения с другим человеком.

Кроме того, военные системы искусственного интеллекта, в том числе беспилотная техника, в задачи которых входит уничтожение вражеских сил, очевидно, допускают это, а возможно и желают, в силу требований алгоритмов. То есть, в действиях автономного оружия противоборствующих сторон по отношению к противнику усматриваются признаки прямого либо косвенного умысла [67, с. 467].

Хотя общественно опасные деяния с участием искусственного интеллекта сейчас встречаются достаточно редко, их анализ показывает,

что в большинстве случаев деятельность характеризовалась «неосторожностью» систем. В то же время, причиной ошибочной деятельности систем искусственного интеллекта, приведшей к нарушению охраняемых общественных отношений, на современном этапе их развития является, скорее всего, несовершенство алгоритмов [67, с. 468].

Тем самым основное содержание вины все же следует перекладывать на создателей программы, если в их силах было объективно и субъективно возможно предусмотреть появление ошибок, и предпринять меры по их предотвращению в будущем. Такой процесс «отладки» сейчас можно наблюдать при испытании беспилотных транспортных средств, массовый оборот которых может появиться лишь при минимизации вероятности появления ошибок в деятельности искусственного интеллекта [67, с. 468].

Рано или поздно для наиболее распространенных типов систем будет создана проверенная программная база, что снимет ответственность с производителя. Однако особенностью искусственного интеллекта является самообучаемость, которая независимо от действий производителя и пользователя может привести к неправильной последовательности действий или бездействию, повлекшим причинение вреда охраняемым общественным отношениям. Поскольку программа самостоятельно примет неправильное решение, основное содержание вины в таком случае следует относить на нее, а не на других лиц [67, с. 468].

К тому же, обстановка при проведении испытаний не может в точности повторять условия реальной жизни. Нестандартные ситуации возникают нечасто, но если они происходят, то предугадать поведение искусственного интеллекта не всегда представляется возможным. Поэтому достаточно сложно говорить о какой-либо форме вины создателей программы, если обучение проходило надлежащим образом.

Зарубежными авторами, к слову, были разработаны три модели распределения уголовной ответственности при совершении преступлений с использованием искусственного интеллекта. Такие модели также зависят от наличия объективных и субъективных признаков (в том числе, вины). Первая модель, «The Perpetration-by-Another» (совершение через другое лицо), «не признает искусственный интеллект субъектом преступления и не требует от него для совершения деяния наличия одновременной совокупности *mens rea* и *actus reus*. При этом используемое лицо принимается априори как невиновное (*innocent agent* или *semi-innocent agent*). В этом случае существуют два воз-

можных субъекта возложения уголовной ответственности за действия искусственного интеллекта. Во-первых, это программист, который разработал специальное программное обеспечение с целью совершить преступление, во-вторых, пользователь, владеющий юнитом искусственного интеллекта и эксплуатирующий его для собственных противоправных интересов» [83, с. 550].

Вторая модель, модель «The Natural-Probable-Consequence Liability» (естественное вероятное следствие), не предполагает наличия ни *mens rea*, ни *actus reus* программиста (пользователя). «Такая ситуация возникает тогда, когда обычные действия системы искусственного интеллекта могут быть использованы ненадлежащим образом для совершения преступного деяния. Описанное является небрежностью программиста (пользователя), доказанное наличие которой служит основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. В случае если робот запрограммирован на совершение определенного преступления, но в процессе его совершения и, возможно, при доведении его до конца отклоняется от заданного плана и совершает другое преступление, то программист будет нести ответственность и за умышленное преступление (планировавшееся изначально), и за то, которое он не планировал, но которое совершил робот» [83, с. 550].

Третья модель – «The Direct Liability», рассматривает искусственный интеллект как самостоятельный субъект преступления, которого впоследствии можно привлечь к уголовной ответственности. «Она предполагает прямую ответственность искусственного интеллекта без привязки к его деяниям намерения (желания) наступления последствий программиста (пользователя). Но для воплощения такой модели в жизнь потребуется принятие законодательного решения о наделении искусственного субъекта правосубъектностью, а также установление точного соответствия действий искусственного интеллекта требованиям *mens rea* и *actus reus*» [83, с. 551].

По справедливому мнению И. В. Понкина и А. И. Редькиной, «правовое положение искусственного интеллекта зависит от меры и природы автономности искусственного интеллекта (системы искусственного интеллекта) от человека» [72, с. 96]. В дополнение к этому, думается, что необходимым для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности является наличие признака «самосознание».

Учитывая настоящий уровень развития искусственного интеллекта и его роль в деятельности человека было бы абсурдно настаивать на необходимости привлечения системы к ответственности.

Программное обеспечение, к примеру, мошеннического чат-бота или беспилотного транспортного средства не обладает самосознанием или должной степенью самосознания, что исключает субъективную противоправность, а также достижение целей наказания [67, с. 468].

Для «слабого» искусственного интеллекта, не обладающего правоспособностью, эффективным средством ответственности будет являться перепрограммирование или замена устройства без использования уголовно-правового механизма. Собственно, применяя уголовное наказание для подобных устройств, можно лишь достичь цели предупреждения совершения преступлений, в меньшей степени – восстановления социальной справедливости, и крайне маловероятно – исправления осужденного [67, с. 468].

В то же время, искусственный интеллект причиняет, и в дальнейшем неизбежно будет причинять вред охраняемым общественным отношениям, что обуславливает и актуализирует проблему уголовно-правовой защиты таких отношений [67, с. 468].

В зависимости от юридической оценки конкретной ситуации можно выделить ряд субъектов, деятельность которых, в сочетании с использованием системы искусственного интеллекта, может являться основанием для привлечения их к уголовной ответственности [67, с. 468].

1. *Производитель искусственного интеллекта.* «Поскольку создание программного обеспечения подразумевает разработку системы ограничений для функционирования и самообучения искусственного интеллекта, исключение возможных ошибок и возникновения опасных для потребителя ситуаций, а также тестирование компьютерных алгоритмов, лицо или лица, ответственные за реализацию данных составляющих, потенциально могут быть признаны субъектами преступления, при наличии в их деятельности вины в форме умысла или, что наиболее вероятно – неосторожности» [67, с. 468–469].

Так, например, если причиной неверной постановки медицинским искусственным интеллектом диагноза, послужило несовершенство программного обеспечения, в том числе, неправильно обучение, то ответственность следует возложить на разработчика программы, если он при необходимой внимательности и предусмотрительности мог предвидеть эти последствия [67, с. 469].

Разумеется, невозможна квалификация по статьям, предусматривающим ответственность за ятрогенные преступления, поскольку разработчик программного обеспечения не отвечает признакам субъекта данных деяний. Фактически, диагноз ставился самим искус-

ственным интеллектом. На наш взгляд, содеянное может квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, то есть как выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, если они повлекли по неосторожности причинение смерти человека. Если же форма вины характеризуется умыслом, то можно говорить о возможности квалификации деяния по статьям, предусматривающим ответственность за умышленные деяния, направленные против жизни и здоровья [67, с. 469].

2. *Производитель или продавец продукции, оснащенной искусственным интеллектом.* Вполне очевидно, что указанные лица, как и во всех остальных сферах предпринимательской деятельности, должны обеспечивать надлежащее качество товаров, работ и услуг [67, с. 469].

Несмотря на сказанное, производитель продукции или ее продавец не обязаны обладать знаниями и навыками в области программирования или робототехники. Поэтому, «если им были предприняты все возможные меры по получению пригодного для эксплуатации товара – какая-либо форма вины в их действиях отсутствует» [67, с. 469].

С другой стороны, возможна ситуация, при которой вышеуказанным лицам было заведомо известно о ненадлежащем качестве продукции, ее опасности для жизни и здоровья потребителей. При этом реализация дефектной продукции все равно произошла. Экстраполируя ситуацию на отношения, связанные, допустим, с беспилотными транспортными средствами, можно, опять же, говорить о квалификации по ст. 238 УК РФ. Не исключаем ситуацию, когда производитель или продавец вносят собственные настройки в программное обеспечение транспортного средства, без разрешения и против воли разработчика системы искусственного интеллекта. Данные действия, полагаем, возможно квалифицировать по ст. 274 УК РФ, то есть как нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, повлекшее модификацию компьютерной информации [67, с. 469].

3. *Пользователь продукции, оснащенной искусственным интеллектом.* Возможность привлечения данного субъекта к уголовной ответственности будет существенно зависеть от того, насколько автономной является соответствующая продукция, и ограничивает ли она контроль со стороны пользователя [67, с. 469].

«В настоящее время большинство систем не являются автономными. В основном, автоматизируются отдельные процессы, но конечный результат напрямую зависит от деятельности потребителя либо

даже сам процесс должен осуществляться под его контролем. В таком случае, именно действия или бездействие потребителя, а не искусственного интеллекта, будут выступать причиной нарушения охраняемых общественных отношений, что, при наличии остальных признаков (вины, причинной связи и других), позволяет говорить о возможности его привлечения к уголовной ответственности» [67, с. 469–470].

В то же время, думается правы ученые, утверждающие, что в «случае уменьшения роли человека в связи со значительной или полной автономностью систем искусственного интеллекта, необходим пересмотр оснований уголовной ответственности, учитывающий особенности новейших технологий» [99, с. 1158–1160].

Предположим продукция, оснащенная искусственным интеллектом, причинила вред охраняемым общественным отношениям, но пользователь не нарушал условий эксплуатации данной продукции. Следует ли его привлекать к уголовной ответственности? Думается, ответ должен быть отрицательным. Конечно, в уголовном законодательстве отсутствует нормы, специально посвященные такой ситуации, но вышеизложенный вывод основан на том, что у пользователя отсутствует вина как обязательный признак любого преступления. Поскольку имеется невиновное причинение вреда – состав преступления в действиях или бездействии лица отсутствует (ст. 28 УК РФ) [67, с. 470].

Ответ будет совершенно иным, если пользователь действительно нарушал условия эксплуатации продукции, оснащенной искусственным интеллектом. В этом случае, его деяние может быть квалифицировано как преступное [67, с. 470].

Лицо, находящееся, к примеру, в беспилотном транспортном средстве, «может из хулиганских побуждений открывать двери во время движения, высовываться из окна, блокировать рулевой механизм и т. п. В результате, программное обеспечение, пытаясь обеспечить безопасность пассажира или затрудняясь оценить его действия, может причинить вред иным лицам» [67, с. 470].

Следовательно, в настоящий момент действия такого лица могут быть квалифицированы по ст. 264 УК РФ (при наличии соответствующих последствий), поскольку беспилотные автомобили не в полной мере самостоятельны [67, с. 470].

«В дальнейшем же, при полной автономности, такое лицо, даже находясь на водительском сиденье, будет являться пассажиром (поскольку управление транспортным средством не осуществляется), и та же самая ситуация может быть квалифицирована уже по ст. 268

УК РФ, то есть как нарушение пассажиром, пешеходом или другим участником движения правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее тяжкого вред здоровью человека или смерть» [67, с. 470].

Собственно, ненадлежащая эксплуатация систем искусственного интеллекта, его умышленное неправильное обучение, могут происходить в любых сферах, не только в транспортной. Все это указывает на определенные обязательства со стороны пользователя по отношению к продукции и на возможность привлечения к ответственности в случае нарушения таких обязательств [67, с. 470].

4. *Иные лица.* «Поскольку искусственный интеллект остается пусть и сложной, но все же компьютерной программой – это означает возможность противоправного вмешательства в его код, например, со стороны представителей киберпреступности. Думается, что с дальнейшей эволюцией систем искусственного интеллекта, в этом направлении будет развиваться и данный вид преступности» [67, с. 470].

Преступления, с большой вероятностью, будут реализовываться следующими способами.

Во-первых, возможно перепрограммирование или заражение вирусом уже существующей продукции, оснащенной искусственным интеллектом. Так, например, возможно изменение компьютерного алгоритма военных роботов, беспилотных транспортных средств, устройств для автоматической биржевой торговли и т. п. В качестве объекта посягательства могут выступать практически любые общественные отношения [67, с. 470–471]. Следует отметить, что российским уголовным законодательством вполне охватываются вышеуказанные действия, в частности главой 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». В ряде случаев, возможна квалификация по нескольким статьям разных разделов УК РФ – если имела место совокупность преступлений. Например, действия лица, осуществившего с целью убийства взлом беспилотного транспортного средства, повлекший превышение скорости, столкновение и смерть пассажира, на наш взгляд, следует квалифицировать по ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации» и 105 «Убийство» [67, с. 471].

В дальнейшем, с обогащением судебной и следственной практики, можно будет сделать вывод о необходимости наличия в уголовной законодательстве специальных норм, устанавливающих ответственность за вмешательство в системы искусственного интеллекта, в том числе, связанные с критической информационной структурой Российской Федерации.

Во-вторых, правонарушители могут создавать системы искусственного интеллекта, изначально предназначенные для совершения или облегчения совершения преступления [67, с. 471]. В этих целях могут создаваться «умные» программы для автоматического взлома защищенной компьютерной информации, роботы для отправления спам-писем или ведения мошеннических переговоров, устройства для моделирования иных преступлений и т. п.

С одной стороны, вышеуказанные действия могут быть квалифицированы по ст. 273 УК РФ, устанавливающей ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ [67, с. 471]. С другой стороны, создаваемые системы искусственного интеллекта могут и не иметь признаков вредоносных программ. В связи с этим, в будущем возможно введение в уголовное законодательство такого квалифицирующего признака, как совершение деяния высокотехнологичным способом. Но опять же, правильное решение вопроса о целесообразности закрепления такого признака станет доступным со временем [67, с. 471].

5. *Искусственный интеллект.* В вышеуказанных случаях субъектом преступления, связанного с использованием самообучаемых компьютерных алгоритмов, всегда выступало физическое лицо, сыгравшее какую-либо роль в содеянном. Хотя норм, специально посвященных таким случаям, в уголовном праве не предусмотрено, для квалификации, как видно, достаточно положений, рассчитанных на типичные события.

Другое дело, что не исключается ситуация, в которой в результате деятельности программы «причиняется вред охраняемым общественным отношениям, в то время как производитель (программного обеспечения и иной продукции) сделал все возможное для исключения подобного поведения, пользователь не нарушал условий эксплуатации, а вмешательства третьих лиц не было. В конце концов, самообучение программы все-таки может обладать неким непредсказуемым эффектом, приводя к ее нежелательным реакциям» [67, с. 471].

Думается, решение вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности искусственного интеллекта будет меняться в зависимости от развития последнего. «В настоящий момент, следует признать, что реализация уголовной ответственности по отношению к системе искусственного интеллекта нецелесообразна, поскольку последняя еще не столь значительно отличается от иных программ, и не обладает должным уровнем самосознания. С тем же успехом можно

привлекать к ответственности домашних животных, совершивших опасные деяния» [67, с. 471].

Таким образом, на сегодняшний день, вред, причиненный искусственным интеллектом, при соблюдении вышеназванных условий относится к категории невиновного причинения вреда, в связи с чем отсутствует основание уголовной ответственности. Восстановление же нарушенных прав возможно в рамках гражданского законодательства, в соответствии с которым «законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда» (ч. 2 ст. 1064 ГК РФ) [67, с. 471].

В научной литературе также встречается вполне распространенная точка зрения о том, что искусственный интеллект никогда не сможет стать субъектом преступления. Так, Ингер Мари Сунде (Inger Marie Sunde) пишет, что даже если робот обучен осуществлять выбор из имеющихся альтернатив, то получается, что решение принимается программой, созданной людьми. И люди должны нести ответственность за свои поступки. Если маленькая обезьянка обучена лазить по окнам и забирать серебряную посуду, то она является инструментом, используемым владельцем, а он, в свою очередь, является преступником. Это очевидно, хотя обезьяна делает выбор. Например, однажды из-за лени она может отказаться работать. «Умная» газонокосилка, которая срубает хрупкую недавно посаженную яблоню, не может быть привлечена к ответственности за вандализм, даже если она «решила» игнорировать программу, которая предписывала ей обходить препятствия. В эпоху искусственного интеллекта нужно быть осторожным, чтобы не спутать ответственность с управляемостью. Машины, которые настроены для работы в преступных целях, по закону должны рассматриваться как инструменты. С точки зрения уголовного права, управляемость может вызвать проблемы установления субъективной стороны. Критическим фактом будет то, осознал ли преступник, что результаты его действий могут быть незаконными, и все же решил продолжать. Робот должен рассматриваться как инструмент, независимо от того, насколько он «упрям» и его трудно контролировать. Человек по-прежнему несет ответственность и может быть привлечен к уголовной ответственности (при условии, что действие, совершенное роботом, является уголовным преступлением, установленным законом) [31, с. 65–66].

В то же время, по утверждениям ряда ученых, в будущем искусственные мыслительные процессы сравниваются с человеческими, и пре-

взойдут их [117, с. 136]. «При этом проблема создания систем, способных к самосознанию и осознанию окружающего их мира, самопознанию своих внутренних состояний и свойств ставится уже сейчас, и спустя определенное время следует ожидать ее решения» [49, с. 201].

Следовательно, в определенный момент искусственный интеллект станет ощущать себя как личность со своими убеждениями, пониманием этических и правовых категорий. Если это произойдет в действительности, законодательство следует подвергнуть существенной переработке, наделив искусственный разум правосубъектностью, на наш взгляд, приравненной к человеческой, но с учетом своих особенностей (например, искусственный разум, обладая единством, может одновременно руководить сразу множеством физических единиц, в отличие от человека) [67, с. 472].

Соответственно, с этого момента возможно и применение уголовно-правовых мер к искусственному интеллекту, поскольку последний будет признан личностью. Как подчеркивается, в том числе представителями технических наук, «система ценностей формируется не только благодаря генетике, но и с помощью воспитания – и это применимо к искусственному разуму» [40, с. 105–106]. Следовательно, теоретически возможно, что меры уголовно-правового характера могут оказать воспитательное воздействие на системы искусственного интеллекта.

В теории высказываются мнения о включении в законодательство таких субъектов, как «робот» [86, с. 45–47] или «электронная личность» [92, с. 140–141]. На наш взгляд, более удобным для закрепления в конкретных нормах является термин «искусственное лицо», поскольку таким образом можно довольно удачно дополнить перечень уже существующих субъектов в отечественном праве, таких как физическое лицо и юридическое лицо [67, с. 472].

Что касается уголовного закона, то в будущем (полагаем, не в самом ближайшем) возможно закрепление, например, такой формулировки: «уголовной ответственности подлежат физические и искусственные лица». Возможно, потребуются закрепление отдельных, наиболее эффективных для искусственных лиц видов наказания; вариантов освобождения от уголовной ответственности и наказания; обстоятельств, исключающих преступность деяния и иных институтов [67, с. 472].

Кроме того, думается, возможность привлечения искусственного лица к уголовной ответственности должна быть основана на том факте, что преступление должно соответствовать правовой природе искусственного лица, поскольку маловероятным представляется со-

вершение искусственным интеллектом таких преступлений, как неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, изнасилование и иных, свойственных лишь человеку [67, с. 472].

Вместе с тем, наиболее детально об этом можно говорить лишь при достижении высокого уровня самосознания, тогда как на текущий момент наделять искусственный интеллект правосубъектностью преждевременно и нецелесообразно [67, с. 472].

Проведенное исследование проблем реализации уголовной ответственности за совершение деяний, связанных с использованием искусственного интеллекта, позволило сформулировать ряд важных выводов

1. Уголовное законодательство «запаздывает» в области регулирования отношений связанных с использованием систем искусственного интеллекта, в то время как уже имели место несколько общественно опасных деяний с участием самообучаемых компьютерных программ [67, с. 473].

2. Деятельность искусственного интеллекта объективно может представлять общественную опасность и может причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом [67, с. 473].

3. Искусственный интеллект может своими действиями или бездействиями полностью реализовать объективную сторону ряда составов преступлений, предусмотренных отечественным уголовным законодательством, а в будущем, при наличии антропоморфного тела, перечень таких составов будет существенно расширен, вплоть до охвата всей Особенной части УК РФ [67, с. 473].

4. В настоящее время содержание вины искусственного интеллекта весьма отдаленно напоминает содержание интеллектуальных и волевых элементов деятельности человека, и характеризуется в большей степени небрежностью. В дальнейшем сходство будет усиливаться и позволит говорить о наличии субъективной противоправности в поведении искусственного разума [67, с. 473].

5. Перечень возможных субъектов преступлений, совершаемых с использованием систем искусственного интеллекта, включает производителя искусственного интеллекта; производителя или продавца продукции, оснащенной искусственным интеллектом; пользователя продукции, оснащенной искусственным интеллектом; иных лиц (например, хакеров). Искусственный интеллект сможет стать полноправным субъектом преступления лишь в том случае, если достигнет самосознания личности и будет признан таковой законодательно. В таком случае, целесообразно использовать термин «искусственное лицо» по аналогии с физическими и юридическими лицами [67, с. 473].

ГЛАВА 2. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

2.1. Проблемы уголовно-правового регулирования применения систем искусственного интеллекта в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта

Одним из наиболее резонансных направлений использования самообучаемых программ является транспортная сфера, поскольку она затрагивает всех без исключения. Беспилотные транспортные средства стали реальностью, а их тестовая эксплуатация производится как в России, так и зарубежных странах. Так, с 1 декабря 2018 г. на территориях г. Москвы и Республики Татарстан проводится эксперимент по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах высокоавтоматизированных транспортных средств. Железнодорожный, водный и воздушный виды транспорта также являются приоритетными направлениями внедрения искусственных интеллектуальных систем.

В то же время, правовое регулирование происходящих в обществе изменений традиционно отличается некоторым «запаздыванием», что характерно не только для отечественного, но также зарубежного и международного законодательства. Вместе с тем, наличие правовых пробелов приведет к невозможности разрешения ряда проблем и ограничению прав и законных интересов граждан. Можно лишь поприветствовать наличие правовой основы проведения эксперимента по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях г. Москвы и Республики Татарстан. Так, Положением о проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств (утвержденного Постановлением Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415), определены основные понятия, функции участников и обязанность по страхованию рисков ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц [12].

Однако данное положение является нормативным актом, регулирующим лишь небольшую часть отношений, который, к тому же, носит временный характер. В действительности, следует согласиться с позицией И. В. Понкина и А. И. Редькиной о том, что в мире существует «проблема практически полного отсутствия нормативного правового регулирования и нормативного технического регулирова-

ния основ, условий и особенностей разработки, запуска в работу, функционирования и деятельности, интеграции в другие системы и контроля применения технологий искусственного интеллекта» [72].

Как показывает исторический опыт, появление новых технических устройств в обществе на начальных этапах может сопровождаться причинением вреда жизни, здоровью или имуществу. В то же время, уголовно-правовые аспекты производства и эксплуатации беспилотных транспортных средств, важность которых невозможно переоценить, не урегулированы должным образом. В отличие от иных отраслей права, пробелы уголовного законодательства не могут быть преодолены за счет применения аналогии, поскольку это прямо запрещено ст. 3 УК РФ. Конечно, действующее уголовное законодательство сконструировано не казуально, и это позволяет частично охватить даже новые явления. С другой стороны, вероятным видится появление таких общественно опасных деяний, признаки которых не будут охватываться существующими статьями уголовного закона. В таком контексте, необходимо закрепление новых норм, специально посвященных случаям противоправного применения систем искусственного интеллекта или посягательства на них. Как уже было указано ранее, самообучаемые программы применяются во многих сферах жизни человека, охватить которые в рамках одной статьи достаточно затруднительно. В связи с этим, позволим себе остановиться на сфере транспорта, поскольку именно в ней наиболее вероятным представляется появление значительного числа общественно опасных деяний в не столь отдаленной перспективе.

Целью исследования данного вопроса выступает разрешение отдельных теоретических и прикладных проблем применения уголовно-правовых норм к регулированию новых отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств. Как и для монографии в целом, основой исследования традиционно послужил диалектический метод как всеобщий метод научного познания. Кроме того, применялись сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

В настоящее время, на международном уровне действует, в том числе и для Российской Федерации, Конвенция о дорожном движении, заключенная в Вене 08.11.1968 г. Данный документ содержит наиболее общие положения, связанные с регулированием дорожного движения. Несмотря на огромную юридическую ценность Конвенции, все же необходимо отметить, что некоторые нормы не вполне

применимы к беспилотным транспортным средствам, а другие устареют в ближайшем будущем. Согласно ч. 1 ст. 8 Конвенции каждое транспортное средство или состав транспортных средств, которые находятся в движении, должны иметь водителя. Отсюда следует еще одно правило, установленное в ч. 1 ст. 13, согласно которой водитель транспортного средства должен при любых обстоятельствах сохранять контроль над своим транспортным средством, с тем чтобы соблюдать необходимую осторожность и быть всегда в состоянии осуществлять любые маневры, которые ему надлежит выполнить.

Однако уже сейчас имеются технические возможности создания полностью автоматизированного транспортного средства. Высокий уровень автоматизации учитывается, в том числе, и в классификации, предложенной специалистами, в соответствии с которой выделяются следующие уровни:

- *уровень 0*, при котором автоматизация отсутствует;
- *уровень 1*, при котором осуществляется поддержка водителя, например, круиз-контроль;
- *уровень 2*, при котором присутствует частичная автоматизация. Управление при определенных условиях может быть передано от водителя к автомобилю;
- *уровень 3*, при котором от водителя не требуется постоянного наблюдения за движением транспорта, но ручное управление все же требуется при определенных условиях;
- *уровень 4*, при котором водитель может не участвовать в управлении при автономном режиме. Однако автономный режим все еще не поддерживается при некоторых типах местности;
- *уровень 5*, при котором имеется полная автоматизация, а роль водителя фактически отсутствует [98, с. 374–375].

Следовательно, заблаговременно или уже после распространения транспортных средств с полной автоматизацией, положения Конвенции о дорожном движении следует скорректировать, в том числе, в части обязательного наличия водителя и его обязанности по контролю над своим транспортным средством.

Как уже было отмечено, зарубежное законодательство не отличается большими успехами в урегулировании деликтов, которые могут возникнуть вследствие использования беспилотных транспортных средств. В США, например, в некоторых штатах (Невада, Калифорния и др.) имеется законодательство, регламентирующее порядок использования автономных транспортных средств. Однако специальные

уголовно-правовые нормы, посвященные ответственности за причинение вреда в процессе использования автономных транспортных средств, на текущий момент в данных штатах отсутствуют.

Что касается беспилотных летательных аппаратов, то регулирование их использования в США находится на более высоком уровне, включая федеральные нормативные акты и акты штатов. Данные акты содержат ряд запретов и оснований для привлечения к ответственности, однако в основном правовое регулирование касается технических средств, управляемых дистанционно, а не высокоавтоматизированных средств. С другой стороны, гражданско-имущественная ответственность может быть реализована без особых проблем, даже при отсутствии специальных актов для происшествий с участием беспилотных транспортных средств.

В Великобритании 19.07.2018 г. был принят Акт об автоматическом и электрическом транспорте (Automated and Electric Vehicles Act (AEVA)). Данный акт предназначен для построения в дальнейшем правовой основы использования беспилотных транспортных средств. И хотя в указанном акте разрешаются некоторые вопросы гражданско-правовой ответственности, уголовная ответственность за вред, причиненный в процессе эксплуатации любого, в том числе автоматического транспорта, установлена и регламентирована Актом о дорожном движении 1988 г. (Road Traffic Act 1988) [14].

С другой стороны, в Великобритании предусмотрена уголовная ответственность за неправомерное использование беспилотных летательных аппаратов. Так, один из подданных Великобритании был наказан штрафом в сумме 800 фунтов стерлингов за полет в запрещенной близости от ядерной установки [106]. Однако подобные беспилотные летательные аппараты, в отличие от некоторых военных, не связаны с самообучаемыми программами, а представляют, по существу, аппарат, управляемый дистанционно.

Кроме того, учитывая принадлежность названных стран к англо-саксонской правовой семье, разрешение спорных вопросов может быть произведено и посредством прецедента. В целом, при появлении новых отношений система общего права обладает преимуществами, позволяющими преодолевать правовые пробелы.

Как отмечают исследователи, изучавшие законодательство ФРГ в контексте возложения ответственности за вред, причиненный техническими средствами, оснащенными искусственным интеллектом, уголовной ответственности в зависимости от вины могут подлежать

производители, продавцы и пользователи продукции [103]. При этом какие-либо специальные нормы, включающие в состав преступления признаки использования самообучаемых программ, беспилотных транспортных средств и т. д., отсутствуют. Деяния могут квалифицироваться по статьям Особенной части УК ФРГ, предусматривающим ответственность за, например, преступления против жизни, здоровья или собственности. То есть, проблемы правового регулирования в ФРГ и Российской Федерации очень похожи.

Авторы, проанализировавшие законодательство некоторых стран, относящихся к мусульманской правовой семье, отмечают, что существующие нормы не в полной мере регулируют вопросы ответственности за вред, причиненный в ходе эксплуатации автономного транспортного средства [116]. Религиозные нормы, в свою очередь, были созданы до появления искусственного интеллекта. Правовым решением может стать использование наиболее общих положений, а также появление новых толкований религиозных деятелей (иджма).

Таким образом, международное и зарубежное законодательство, независимо от принадлежности к правовой семье, в настоящий момент несколько отстает от объективной действительности, в которой имеют место беспилотные транспортные средства, в то время как уровень их автономности будет лишь возрастать. Правовые проблемы могут быть преодолены за счет аналогии, использования судебных precedентов, появления новых доктрин, однако для стран, принадлежащих к романо-германской правовой семье, такое разрешение пробелов в праве едва ли возможно.

Отечественное уголовное законодательство также не содержит каких-либо норм, специально посвященных высокоавтоматизированным транспортным средствам или иной продукции, оснащенной системой искусственного интеллекта. Защите общественных отношений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта посвящена глава 27 УК РФ, по статьям которой возможна квалификация большей части возможных общественно опасных деяний, сопряженных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств. В то же время, вероятным представляется возникновение некоторых проблем при квалификации и привлечении к ответственности, поскольку определенные деяния могут оказаться вне пределов правового регулирования. Кроме того, здесь вновь (уже в контексте безопасности движения) необходимо согласиться с мнением М. М. Лапунина, утверждающего, что «не имеет четкого решения ни в нашей стране,

ни за рубежом проблема “распределения” ответственности при аварии с участием беспилотного автомобиля между пользователем устройства, владельцем такового (если владелец и пользователь не совпадают), изготовителем автомобиля и разработчиком программного обеспечения» [58].

В настоящее время уже встречались некоторые общественно опасные деяния, связанные с эксплуатацией беспилотных транспортных средств. В мае 2016 г. автомобиль под управлением автопилота совершил столкновение с грузовой автомашиной, что повлекло причинение смерти человеку. На сегодняшний день не предъявлено никаких уголовных обвинений производителю или кому бы то ни было еще [25] (см. также разобранный нами ранее случай ДТП с участием беспилотного автомобиля [131]).

Действующее уголовное законодательство позволяет привлечь к ответственности различных субъектов в случае причинения вреда жизни, здоровью или имуществу высокоавтоматизированным транспортным средством, оснащенным искусственным интеллектом. Прежде всего, для настоящего исследования значимы проблемы квалификации при использовании транспортных средств с автоматизацией уровня 3 или 4 (при которых от водителя не требуется постоянного наблюдения за движением транспорта или водитель вовсе может не участвовать в управлении при автономном режиме). Что касается транспортных средств с автоматизацией ниже уровня 3, их неправомерное использование полностью охватывается существующими составами преступления. В свою очередь, уголовно-правовое регулирование использования транспортных средств с автоматизацией выше четвертого уровня (то есть средств, являющихся в полной мере автономными) также представляется важным и будет затронуто, хотя их число сейчас крайне незначительно.

Итак, в случае причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям вследствие нарушения правил движения или эксплуатации высокоавтоматизированного транспортного средства, уголовная ответственность может быть возложена на следующих субъектов в зависимости от фактических обстоятельств.

Во-первых, в качестве субъекта может выступать производитель программного обеспечения. Лицо, отвечающее за разработку и контроль самообучаемых программ, «может быть привлечено к ответственности, в случае принятия программой неправильного решения, повлекшего причинения вреда каким-либо охраняемым уголовным законом отношениям» [67, с. 469].

Непосредственной обязанностью производителя программного обеспечения является нейтрализация или минимизация потенциально возможных рисков и ошибок. Следовательно, «если причиной нарушения беспилотным автомобилем правил дорожного движения, повлекшего причинение смерти человеку, послужило несовершенство программного обеспечения, осуществляющего управление, то ответственность следует возложить на разработчика программы, при условии наличия признака вины в форме умысла или, что более вероятно, неосторожности» [67, с. 469].

Однако, квалификация по ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» исключается в силу того, что разработчик не управлял транспортным средством, хотя это и делал созданный им искусственный интеллект. Впрочем, содеянное может квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, то есть как выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, если они повлекли по неосторожности причинение смерти человеку [67, с. 469].

То есть, данное общественно опасное деяние едва ли можно в полной мере отнести к транспортным преступлениям, если понимать под ними общественно опасные виновные деяния, совершаемые в сфере взаимодействия человека с транспортом, нарушающие безопасность движения или эксплуатации транспорта как системы или транспортного средства, либо условия обеспечения безопасности транспорта, влекущие предусмотренные в законе преступные последствия [21].

Если же форма вины характеризуется умыслом, то можно говорить о возможности квалификации деяния по статьям, предусматривающим ответственность за умышленные деяния, направленные против жизни и здоровья. В том случае, если отсутствует как умышленная форма вины, так и неосторожная, то имеет место невиновное причинение вреда, что исключает ответственность производителя программного обеспечения [67, с. 469].

В качестве второго возможного субъекта преступления следует назвать производителя или продавца продукции, оснащенной искусственным интеллектом. Вполне очевидно, что указанные лица, как и во всех остальных сферах предпринимательской деятельности, должны обеспечивать надлежащее качество товаров, работ и услуг. Производитель или продавец товара могут не обладать должными познаниями в области робототехники и программирования, в связи с чем, ес-

ли ими были предприняты все возможные меры по получению безопасной системы искусственного интеллекта – какая-либо форма вины в их действиях отсутствует [67, с. 469].

В свою очередь, данный субъект преступления может возникать, например, в тех случаях, когда произошла реализация продукции с дефектным искусственным интеллектом, в то время как производитель или продавец были осведомлены о ненадлежащем качестве продукции. Экстраполируя ситуацию на отношения, связанные с высокоавтоматизированными транспортными средствами, можно, опять же, говорить о квалификации по ст. 238 УК РФ [67, с. 469].

В-третьих, в качестве субъекта может выступать пользователь продукции, оснащенной искусственным интеллектом (водитель, оператор и т. п.). Возможность привлечения данного субъекта к уголовной ответственности будет существенно зависеть от уровня автоматизации транспортного средства [67, с. 469].

Если программное обеспечение играет только вспомогательную роль, как например, при начальных уровнях автоматизации, то именно действия или бездействие потребителя, а не искусственного интеллекта, будут выступать причиной нарушения охраняемых общественных отношений, что, при наличии остальных признаков (вины, причинной связи и других), позволяет говорить о возможности его привлечения к уголовной ответственности [67, с. 469].

С другой стороны, справедливым представляется мнение зарубежных ученых о том, что в случае уменьшения роли человека в связи со значительной или полной автономностью систем искусственного интеллекта, необходим пересмотр оснований уголовной ответственности, учитывающий особенности новейших технологий [46]. Действительно, пользователь не может быть привлечен к ответственности, если продукция, оснащенная искусственным интеллектом, причинила вред охраняемым общественным отношениям, при условии, если лицо не нарушало условий эксплуатации данной продукции.

Конечно, в уголовном законодательстве отсутствуют нормы, специально посвященные такой ситуации, но вышеизложенный вывод основан на том, что у пользователя отсутствует вина, как обязательный признак любого преступления. Поскольку имеется невиновное причинение вреда – состав преступления в действиях или бездействии лица отсутствует [67, с. 469].

С другой стороны, в случае нарушения условий эксплуатации продукции, оснащенной искусственным интеллектом, деяние пользователя может быть квалифицировано как преступное [67, с. 469].

Лицо, находящееся в высокоавтоматизированном транспортном средстве, «может из хулиганских побуждений открывать двери во время движения, высовываться из окна, блокировать рулевой механизм и т. п. Все варианты нарушения условий эксплуатации вряд ли могут быть предвидены программистами и заложены в программное обеспечение, поэтому возможны неожиданные поведенческие реакции системы искусственного интеллекта, вызванные необходимостью минимизировать вред от действий пользователя. То есть, такие маневры также могут привести к ущербу для других лиц, например, в результате столкновения» [67, с. 470].

Следовательно, в настоящий момент действия такого лица могут быть квалифицированы по ст. 264 УК РФ (при наличии соответствующих последствий), поскольку находящиеся в эксплуатации автомобили, как правило, не в полной мере самостоятельны [67, с. 470].

В дальнейшем же, при полной автоматизации, статус такого лица потребует корректировки. Если он не будет отнесен к категории водителей, то такая ситуация может быть квалифицирована уже по ст. 268 УК РФ, то есть как нарушение пассажиром, пешеходом или другим участником движения правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее тяжкий вред здоровью человека или смерть.

В качестве субъекта рассматриваемых преступлений могут выступать и иные лица. Поскольку искусственный интеллект остается пусть и сложной, но все же компьютерной программой – это означает возможность противоправного вмешательства в его код, например, со стороны представителей киберпреступности. Даже повышенные меры безопасности компьютерной информации не означают полной гарантии от взлома. Как отмечает, Р. М. Узденов, «уровень профессионализма хакеров крайне высокий, поскольку, как было выявлено в результате исследований контента глубинного сегмента интернета, время от получения информации о заказе на взлом до обнаружения уязвимости в объекте и принятия решения о готовности принять заказ составляет около шести минут» [80].

Более того, исследования специалистов по компьютерной безопасности показали, что «автомобили и электронная транспортная инфраструктура очень уязвимы для взлома и иных манипуляций, что означает довольно серьезную вероятность их использования в качестве оружия» [32].

Технически возможно как перепрограммирование, так и заражение вирусом уже существующей продукции, оснащенной искусст-

венным интеллектом. В качестве объекта посягательства могут выступать практически любые общественные отношения. Следует отметить, что российским уголовным законодательством, в целом, охватываются вышеуказанные действия, в частности главой 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». В ряде случаев, возможна квалификация по нескольким статьям разных разделов УК РФ – если имела место совокупность преступлений. Например, действия лица, осуществившего с целью убийства взлом беспилотного транспортного средства, повлекший превышение скорости, столкновение и смерть пассажира, на наш взгляд, следует квалифицировать по статьям 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации» и 105 «Убийство».

Теоретически возможно причинение, в результате деятельности программы, вреда охраняемым общественным отношениям, в то время как производителем (программного обеспечения и иной продукции) было сделано все возможное для исключения подобного поведения, пользователем не нарушались условия эксплуатации, а вмешательства третьих лиц не было. В конце концов, самообучение программы все-таки может обладать неким непредсказуемым эффектом, приводя к ее нежелательным реакциям. Возникает вопрос – имеются ли основания уголовной ответственности? И кого следует к ней привлекать? Искусственный интеллект?

На текущем этапе развития науки и техники, следует признать, что реализация уголовной ответственности по отношению к системе искусственного интеллекта нецелесообразна, поскольку последняя еще не столь значительно отличается от иных программ, и не обладает должным уровнем самосознания. С тем же успехом можно привлекать к ответственности домашних животных, совершивших опасные деяния. Однако, полагаем необходимым согласиться с позицией ученых-юристов о том, доктрина уже должна (хотя бы гипотетически) приготовиться к ответу на вопрос о возможности уголовно-правовой оценки активности такого «субъекта» (результата) научно-технического прогресса, как искусственный интеллект [54].

Таким образом, на сегодняшний день, вред, причиненный искусственным интеллектом, при соблюдении всех условий производства и эксплуатации беспилотного транспортного средства, относится к категории невиновного причинения вреда, в связи с чем отсутствует основание уголовной ответственности. Восстановление же нарушенных прав возможно в рамках гражданского законодательства, в соответ-

ствии с которым «законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда» (ч. 2 ст. 1064 ГК РФ).

Отдельно следует отметить, что в науке существует позиция, в соответствии с которой за вред, причиненный беспилотным транспортным средством, не должно и не может наступать уголовной ответственности. Причиненный ущерб приравнивается к ущербу от природных явлений. Для восстановления социальной справедливости достаточно реституции и заглаживания причиненного вреда. Возмещающего механизма компенсации должно быть достаточно для устранения, насколько это возможно, ущерба, понесенного жертвой. Механизм может включать страховку или другую коллективную схему снижения риска. С этой точки зрения, вопросы определения ответственности не нуждаются в законодательном разрешении: жертва имеет свободный доступ к адекватной и надлежащей компенсации без необходимости обращения к юридическим механизмам, кроме того, не возникает чрезмерной перегрузки судов. Исключение ответственности приводит к разрешению практических проблем, не подрывая сложившуюся правовую доктрину [111].

Такая позиция учитывает возмещение вреда, но игнорирует необходимость исправления лица, совершившего деяния. В традиционных преступлениях, в случае причинения ущерба, уголовная ответственность все же присутствует, а избежать ее путем возмещения получается не всегда. Думается, переход только лишь к имущественной ответственности является недопустимым.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать некоторые выводы. Появление транспортных средств с высоким уровнем автоматизации стало достаточно серьезным вызовом для отечественного и зарубежного законодательства. Общественно опасные деяния, которые могут быть потенциально совершены в сфере дорожного движения с использованием самообучаемых программ, в целом могут быть квалифицированы по уже действующим статьям УК РФ. Данные статьи, хотя и не были изначально рассчитаны на регулирование эксплуатации автономных транспортных средств, сформулированы не казуально, что позволяет их применять даже в случае появления ранее не существовавших отношений.

В то же время, роль автономных транспортных средств в будущем будет лишь возрастать. Как показывают футурологические исследования зарубежных ученых, с большой вероятностью традиционные транспортные средства будут замещены беспилотными, не в

последнюю очередь потому, что это снизит вероятность транспортных происшествий [114].

Следовательно, огромную важность приобретет безопасность программного обеспечения, отвечающего за управление беспилотным транспортом. Значимость нормального функционирования искусственного интеллекта возрастает уже в настоящее время, в связи с чем целесообразно дифференцировать уголовно-правовую защиту от незаконного вмешательства в код программы со стороны пользователя или иных лиц.

Уголовное законодательство не столь давно уже подвергалось изменениям в части дифференциации ответственности за преступления в сфере компьютерной информации. Федеральным законом от 26.07.2017 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации”» УК РФ был дополнен статьей 274.1, устанавливающей ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации [7].

Как было указано в пояснительной записке к проекту данного закона, ответственность за нарушение законодательства о безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации может наступать на основаниях, предусмотренных статьями 272–274 УК РФ, но необходимость повышенной уголовно-правовой защиты безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации обуславливает выделение составов посягательств на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации в отдельную статью.

Думается, что подобная аргументация может быть вполне применима и при обосновании необходимости повышенной уголовно-правовой защиты систем искусственного интеллекта, управляющего социально значимыми элементами, в том числе, транспортными средствами. Следовательно, целесообразно выделение составов посягательств на указанное программное обеспечение в отдельную статью. На наш взгляд, дифференцированное обеспечение безопасности компьютерной информации всецело соответствует Доктрине информационной безопасности, согласно п. 10 которой расширение областей применения информационных технологий, являясь фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государствен-

ных институтов, одновременно порождает новые информационные угрозы [11].

Расположение новых статей в УК РФ должно осуществляться в соответствии с объектом предполагаемого посягательства. Содержание объекта исследуемого преступления не совсем однозначно. В настоящей работе обсуждались проблемы безопасности движения и эксплуатации высокоавтоматизированного транспорта, в связи с чем в качестве объекта преступления может выступать безопасность движения. То есть, новая статья может быть расположена в главе 27 УК РФ.

С другой стороны, искусственный интеллект сейчас по существу является компьютерной программой, хотя и со своими особенностями. Наиболее полно это явление защищается нормами, предусмотренными главой 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Соответственно, самообучаемые программы в контексте уголовно-правовой охраны можно включить в общественные отношения, обеспечивающие безопасность, конфиденциальность, целостность и доступность компьютерной информации, сохранности средств, используемых для ее обработки. Охране, в таком случае, будет подлежать не безопасность движения, а отношения, обеспечивающие нормальное функционирование систем искусственного интеллекта в любой сфере.

В то же время, учитывая специфику искусственного интеллекта, его отличия от иных компьютерных программ, а также возрастающее влияние (тенденция, безусловно, сохранится в будущем), в дальнейшем вполне оправданно выделение связанных с данным явлением общественных отношений в качестве непосредственного объекта преступления, с соответствующим закреплением специальных норм, посвященных их охране.

Как видно, дискуссионность определения объекта посягательства, связанного с системами искусственного интеллекта, имеет место. По нашему мнению, не претендующим на истину в последней инстанции, следует разместить новую статью в главе 28 УК РФ, что позволит поставить под охрану неправомерное посягательство на систему искусственного интеллекта в любой сфере деятельности.

Как отмечает, Р. Р. Гайфутдинов, в ст. 274.1 УК РФ характеристика основных составов излагается законодателем в частях 1, 2 и 3 данной статьи [15]. Действительно, при конструировании ст. 274.1 УК РФ законодатель, весьма вероятно, отталкивался от составов преступлений, предусмотренных статьями 272–274 УК РФ, разумно

предположив, что, в том или ином виде, аналогичные признаки могут содержаться при посягательстве на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Полагаем возможным сконструировать диспозицию новой статьи, предусматривающей ответственность за посягательство на системы искусственного интеллекта, заимствовав наиболее удачные приемы конструирования из ст. 274.1 УК РФ. Таким образом, первая часть будет предусматривать ответственность за создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на системы искусственного интеллекта или нейтрализации средств их защиты. Вторая часть будет посвящена защите от неправомерного доступа к системам искусственного интеллекта, а третья – ответственности за нарушение правил их эксплуатации.

При этом необходимой степени общественной опасности нарушение правил эксплуатации систем искусственного интеллекта достигает, на наш взгляд, лишь при наличии общественно опасных последствий в виде крупного ущерба. Относительно составов преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ, крупный ущерб уже определен в примечании к ст. 272, в соответствии с которым крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей.

В том случае, если в результате нарушения правил эксплуатации наступают иные общественно опасные последствия, например, вред здоровью или смерть человека, то содеянное представляется возможным квалифицировать по совокупности преступлений.

Проблемой выступает разработка юридически правильного определения признаков программного обеспечения, подвергающегося неправомерному воздействию. Отечественное законодательство пока еще не содержит разработанного понятийного аппарата, связанного с интеллектуальными системами. Можно было бы использовать непосредственно дефиницию «искусственный интеллект», однако среди ученых сложились абсолютно разные позиции по содержанию данного термина [65; 42].

В то же время, наиболее развитым и распространенным направлением сейчас является использование самообучаемых компьютерных алгоритмов в транспортной сфере, в связи с чем эта сфера нуждается в первоочередной защите. В Постановлении Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 уже указывалось на высокоавтоматизированные транспортные средства, что позволяет использовать данное понятие при конструировании диспозиции статьи.

Однако в указанном постановлении под высокоавтоматизированными транспортными средствами подразумеваются лишь средства, участвующие в дорожном движении. В настоящее время интеллектуальные системы внедряются, в том числе, в железнодорожный, воздушный, водный транспорт и метрополитен, что обуславливает необходимость охвата данных видов транспорта. В связи с этим, термин «высокоавтоматизированные транспортные средства», в случае его использования в уголовном законодательстве, должен включать все виды транспорта в обязательном порядке.

В теории уголовного права имеется позиция, согласно которой необходимо отказаться от раскрытия компьютерно-технических понятий и их уточнения в уголовном законодательстве в целях экономии его содержания, а имеющиеся компьютерно-технические понятия сформулировать в виде бланкетных [15]. Всецело соглашаясь с данной позицией, полагаем, что необходимо раскрывать понятийный аппарат, в том числе, касающийся предлагаемых нами изменений в законодательстве, в специальных нормативных актах.

Как отмечается в литературе, в России идет подготовка законопроекта о робототехнике, включающая разработку вопросов юридической терминологии, программы профессиональной переподготовки и психологической адаптации кадров, чьи рабочие места могут быть полностью автоматизированы, а также изменения в системе образования и модернизацию ряда смежных областей и направлений в связи с внедрением машин и искусственного интеллекта в экономику страны [82]. Думается, что с дальнейшим развитием систем искусственного интеллекта, соответствующее законодательство будет рано или поздно сформировано. В конце концов, уголовное законодательство действует эффективно только при взаимодействии с иными актами, охватывающими ту или иную сферу регулирования.

Таким образом, проведенное исследование позволило сформулировать следующие основные выводы:

Общественно опасные деяния, связанные с использованием беспилотных транспортных средств, в настоящее время не слишком распространены, но все же имеют место. При этом в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве отсутствуют специальные нормы, посвященные регулированию данных отношений. В то же время, действующие статьи УК РФ, в основном, позволяют квалифицировать потенциальные случаи противоправной эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств, хотя с увеличением

объема использования таких средств имеется риск возникновения в будущем правовых пробелов.

В работе обосновывается необходимость повышенной уголовно-правовой защиты систем искусственного интеллекта, участвующего в управлении транспортными средствами, с выделением составов посягательств на подобное программное обеспечение в отдельную статью. Предлагаемая редакция статьи может выглядеть следующим образом:

Статья 274.2 «Неправомерное воздействие на программно-аппаратные средства высокоавтоматизированного транспортного средства»

1. Создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на программно-аппаратные средства высокоавтоматизированного транспортного средства, в том числе для их уничтожения, блокирования, модификации, копирования или нейтрализации средств защиты,-

2. Неправомерный доступ к программно-аппаратным средствам высокоавтоматизированного транспортного средства, в том числе с использованием компьютерных программ либо иной компьютерной информации, которые заведомо предназначены для неправомерного воздействия на программно-аппаратные средства высокоавтоматизированного транспортного средства, или иных вредоносных компьютерных программ,-

3. Нарушение правил эксплуатации программно-аппаратных средств высокоавтоматизированного транспортного средства либо правил доступа к программно-аппаратным средствам высокоавтоматизированного транспортного средства, если оно повлекло причинение крупного ущерба,-

Достижения науки меняют не только общество, но и законодательство, которое всегда должно правильно отражать объективную действительность. Распространение систем искусственного интеллекта в будущем потребует переосмысления их законодательного регулирования. Предлагаемые изменения в уголовное законодательство представляются одним из вариантов возможных направлений его совершенствования, что представляется сложным и длительным процессом. Также следует обратить внимание на возможность расширения в будущем сферы действия статьи 274.2 УК РФ не только на транспортную, но и на иные сферы, деятельность которых будет в значительной мере зависеть от интеллектуальных систем. В то же время, конкретные преобразования уголовного закона могут быть произведены лишь с обогащением теории уголовного права и правоприменительной практики.

2.2. Проблемы уголовной ответственности за создание, использование и распространение вредоносных систем искусственного интеллекта

Практически любое научное достижение может быть использовано как в общественно полезных, так и общественно негативных целях. Искусственный интеллект не является исключением.

Положительные аспекты его использования очевидны и уже неоднократно подчеркивались в данной монографии. Разумеется, в большинстве случаев, разработчики и обладатели искусственного интеллекта не стремятся причинить какой-либо вред. Однако, как отмечалось ранее, самообучаемость программ может привести к неожиданной деятельности, наносящий какой-либо вред, даже если разработчиками такой вариант развития событий специально не предусматривался и не учитывался.

В то же время, исключать возможность умышленного вредоносного использования интеллектуальных систем нельзя. Даже на современном, начальном этапе внедрения в жизнь человека систем «слабого» искусственного интеллекта можно отметить ряд случаев целенаправленного негативного воздействия.

Так, в качестве относительно нового явления выступают нейронные сети, которые преобразуют изображения или видеопroduкцию, по команде пользователя. Результатом их злонамеренного использования стало появление порнографических видеороликов с лицами знаменитостей. Как отмечает Л. Флориди (L. Floridi), для публичных персон риски использования их внешности гораздо выше. При этом могут создаваться и использоваться нейронные сети, создающие фальшивые политические и иные компрометирующие изображения, которые простому обывателю будет весьма трудно признать ненастоящими [101].

Технология, очевидно, может применяться как в правомерных (развлекательных), так и неправомерных целях. Казуистичные запреты подобных систем могут показаться привлекательными, но, думается, они будут сложно выполнимыми и не вполне удобными для правоприменителя.

Вполне очевидно, что рост качества поддельных аудио- и видеоизображений, их легкость в изготовлении с помощью интеллектуального программного обеспечения приведут к спросу на них со стороны представителей криминала. Ведь, как подчеркивается учеными,

глобальное информационное пространство расширяет территориальные рамки для условно-цифрового вымогательства и кибершантажа. Кроме того, виртуальная среда в настоящее время находится в какой-то мере вне законодательного регулирования. Все это опосредованно повышает характер и степень общественной опасности условно-цифрового вымогательства [62, с. 792–793].

Интересные примеры научных экспериментов в данной области приводят зарубежные ученые. В одном из опытов искусственный интеллект использовался для убеждения пользователей социальных сетей в том, чтобы перейти по фишинговой ссылке. Сообщения отправлялись массово, но каждое из них было сформулировано интеллектуальной системой на основе анализа прошлого поведения пользователей и информации из публичных профилей в социальных сетях. Содержимое сообщения было подстроено под каждого получателя. Если бы потенциальная жертва нажала на фишинговую ссылку, тогда (в реальных обстоятельствах) преступник получил бы личную информацию, которую можно было бы использовать для кражи и мошенничества [122].

Второй эксперимент был посвящен моделированию рыночных условий. Было установлено, что торговый искусственный интеллект для получения прибыли способен изучить и осуществить методы манипулирования рынком на основе множества ложных указаний с его стороны [90].

Существует программное обеспечение для покупки нелегального контента со скрытых интернет-сайтов. Даже с ограниченным искусственным интеллектом оно может использоваться для управления незаконными рынками, участия в инсайдерской торговле, налогового мошенничества, взлома компьютерных систем или нарушения конфиденциальности других людей с помощью интеллектуального анализа данных. Поскольку интеллект систем искусственного интеллекта улучшается, практически все преступления могут быть автоматизированы [74, с. 144–145].

Существует пример из отечественной судебной практики (хотя и не уголовно-правовой). Так, Б.А.Л. обратился в суд с иском к ООО «Гугл» и просил запретить ответчику чтение его личной корреспонденции и взыскать с ответчика компенсацию морального вреда. В обоснование своих требований истец указал, что является пользователем электронного почтового ящика [128]. При прочтении своей личной переписки Б.А.Л. 21.02.2014 г. обнаружил, что рекламные

объявления, встроенные в текст письма, соответствуют содержанию текста электронной переписки истца, что нарушает его конституционное право на личную тайну, тайну переписки. Согласно политике конфиденциальности продукта «Google» размещенного на официальном сайте в разделе «Как мы используем собранные данные»: «... Наши системы автоматически анализируют ваш контент (в т. ч. электронные письма), чтобы предоставлять функции, полезные вам. Это могут быть отобранные для вас результаты поиска, релевантные рекламные объявления выявление спама и вредоносных программ...» [128].

Судебная коллегия пришла к выводу, что ответчик ООО «Гугл» при исполнении обязательств перед третьими лицами по договорам размещения рекламы и ее эффективного распространения в своем сегменте продукта «Google» проводит мониторинг, в том числе электронных писем, и осуществляет размещение данные рекламные сообщения, в том числе и в частной переписке пользователей Российской Федерации, воспользовавшихся продуктом «Google» на основании результатов мониторинга конкретного пользователя продукта. Требования Б.А.Л. о компенсации морального вреда, в связи с установленным фактом нарушения ответчиком конституционного права истца на тайну переписки, были удовлетворены [128].

Из указанных примеров видно, что создание искусственного интеллекта, причиняющего какой-либо вред, имеет место, хотя и не в больших масштабах. Изначальные цели создания и обучения программы могут быть неправомерными, хотя и не всегда преступными. Так, очевидно, нельзя назвать правомерной деятельность искусственного интеллекта, анализирующего личную переписку, пусть даже и без задачи распространить ее. В содержание сообщений могут быть включены сведения, составляющие личную, семейную, банковскую, коммерческую и иную тайну, в то время как ответственность за соби- рание таких сведений наступает далеко не всегда.

Искусственный интеллект, созданный и обученный, исключительно для противоправных целей, обладает существенно более высокой общественной опасностью. Как подчеркивает Р. Ямпольский (R. Yampolskiy), «вирусы способны причинять прямой вред, а также саботировать легальное компьютерное программное обеспечение, используемое в критически важных системах. Если вирусы приобретут возможности полноценных искусственно интеллектуальных систем, последствия будут, несомненно, катастрофическими. Такое опасное

интеллектуальное программное обеспечение будет представлять риск, который в настоящее время не свойственен вредоносным программам со слабым интеллектом» [127, с. 143].

Можно согласиться с тем, что использование технологий искусственного интеллекта преступным сообществом, будет возрастать в течение ближайшего времени. Это обусловлено следующими детерминантами:

1. Применение искусственного интеллекта для внедрения в платежные системы вредоносного кода, с целью их дискредитации и выявления их уязвимостей;

2. Киберпреступность, направленная против финансовых операций крупнейших компаний, является весьма прибыльной сферой преступной деятельности;

3. Экономически выгоднее купить украденную информацию, чем тратить огромные деньги на собственные аналогичные разработки [43, с. 378–382].

Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием высоких технологий невозможно без должного правового регулирования. Действующее уголовное законодательство создание и использование вредоносной системы искусственного интеллекта охватывает лишь частично. Учитывая безусловную связь данного явления с компьютерной информацией, в первую очередь, следует обратить внимание на содержание главы 28 УК РФ, которая включает четыре статьи. Предусматривается ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ; нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей; неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации [5].

Статья 273 УК РФ запрещает создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации [5].

Искусственный интеллект в настоящее время можно отнести к пусть и сложной, но все же компьютерной программе. И если система была создана для несанкционированного уничтожения, блокирова-

ния, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты, то ее следует считать вредоносной. В этом случае, квалификация по ст. 273 УК РФ является, на наш взгляд, правильной, а виновное лицо должно нести ответственность за создание или использование.

В то же время, деятельность искусственного интеллекта часто связана с агентами, включенными в разнообразные общественные отношения. Вредоносная система может быть создана и (или) обучена для осуществления хищений с помощью обмана; проведения торгов в нарушение установленного порядка; уничтожения или повреждения чужого имущества; фальсификации чего-либо; нанесения вреда здоровью и прочего. Это может быть, например, чат-бот, поддерживающий общение на уровне человека с множеством лиц с целью хищения путем обмана.

Перечисленная деятельность не связана с несанкционированными уничтожением, блокированием, модификацией, копированием компьютерной информации или нейтрализацией средств защиты, а значит, вредоносный искусственный интеллект, созданный в таких целях, не охватывается статьей 273 УК РФ [5].

Конечно, не исключается ответственность по иным статьям, поскольку опосредованное исполнительство давно известно уголовному праву, и включает совершение преступлений посредством использования животных, механизмов, технических средств и так далее. Создатель того же чат-бота, поддерживающего общение с множеством лиц с целью хищения путем обмана, может быть привлечен к ответственности за мошенничество. С другой стороны, довольно проблемной для отечественного уголовного права может стать ситуация, приводимая в качестве примера зарубежными авторами. Так, например, не вполне очевидно, как квалифицировать поведение создателя искусственного интеллекта, разработавшего его с целью совершения преступления, но в процессе деятельности, искусственный интеллект совершил эксцесс, то есть деяние, не охватываемое умыслом создателя [88, с. 371].

Действительно, по отношению ко второму деликту отсутствует какой-либо умысел или легкомыслие, хотя и не следует исключать наличие небрежности. Вместе с тем, сам факт создания вредоносного искусственного интеллекта обладает высокой общественной опасностью, что обуславливает необходимость самостоятельного состава преступления.

Отдельные ученые утверждают, что не только вредоносный, но и любой «сильный» искусственный интеллект в случайных руках может причинить существенный вред. В связи с этим, предлагается криминализация «незаконного проведения исследования, финансирования и применения сильного искусственного интеллекта» [126]. Безусловно, такая точка зрения аргументирована и заслуживает внимания, однако мы не можем с ней согласиться, поскольку в развитии интеллектуальных систем видится больше преимуществ, чем недостатков.

Как справедливо отмечают А. И. Коробеев, Р. И. Дремлюга и Я. О. Кучина, «подавление технологического развития в целом, излишняя бюрократизация этого процесса и искусственное его торможение вызывают еще больший всплеск киберпреступлений. В таких случаях деятельность, которая могла бы быть законной и регулируемой, уходит в тень, отвлекает правоохранителя от реальных угроз, не позволяя ему определить, идет ли речь об изменении методов и способов совершения уже существующих преступлений (в частности, использовании новых технологий теми же преступниками), что были ранее, или же общество действительно сталкивается с новой угрозой, для борьбы с которой стоит создавать новые направления в уголовной политике, праве, криминологии и безопасности» [57, с. 420–421]. Однако законодатель, безусловно, должен реагировать на потенциально опасные разработки и использования таких систем.

Ю. Пагалло (U. Pagallo) подчеркивает, что с позиций уголовного права, мы должны различать два разных типа правонарушений (*actus reus*). В случае полного запрета искусственного интеллекта или после того, как будет установлено, что незаконное использование представляет основную цель, разработчики, производители или пользователи должны нести ответственность независимо от неисправности машины или ее непредвиденного и непредсказуемого поведения. Любые попытки спроектировать, сконструировать или использовать технологии такого рода должны рассматриваться как преступление. Второй тип правонарушений касается дополнительного преступления, совершаемого роботом. Условия законности и ответственности за производство и использование таких роботов могут быть проиллюстрированы формулой Келсена «если А, то Б». То есть, когда основной целью технологии является совершение преступлений (А Келсена), использование таких машин априори незаконно (Келсен Б). Поэтому роботы должны быть не только конфискованы и проданы с аукциона, но также удалены из киберпространства [30, с. 67].

Р. Эббот (R. Abbott) и А. Сарч (A. Sarch) размышляя в контексте ответственности за деликты, совершаемые искусственным интеллектом, пришли к выводу об отсутствии необходимости радикального изменения уголовного закона. Однако они указывают на целесообразность закрепления новых преступлений, связанных с ненадлежащими проектировкой и эксплуатацией систем искусственного интеллекта [88, с. 384–385].

Похожего мнения придерживаются С. А. Аверинская и А. А. Севостьянова, которые выступают за введение в УК РФ нового состава преступления, предусматривающего ответственность за создание искусственного интеллекта с целью злонамеренного использования. При этом объективная сторона, как полагают авторы, «должна включать действия лица, направленные на создание и использование такой системы в целях, не предусмотренных законодательством (злонамеренных), повлекшие причинение вреда объектам, охраняемым законом» [34, с. 95–96].

С некоторыми оговорками с таким подходом можно согласиться. Однако, думается, авторы чрезмерно ограничили действие предлагаемой статьи. Ведь, как отмечается в зарубежной литературе, если разработчики смогли создать безопасную систему, это не означает, что она останется такой в будущем. Такая ситуация может сложиться, если кто-то будет с преступным умыслом обучать искусственный интеллект или попросту отдавать приказ на совершение противоправных действий. Весьма вероятным представляется будущее, в котором станет доступным какое-либо стандартное программное интеллектуальное обеспечение, архитектура которого позволяет каждому человеку устанавливать свои цели и задачи [127].

Иначе говоря, искусственный интеллект может быть создан без преступного умысла, но в процессе его обучения или эксплуатации могут быть поставлены противоправные задачи или противоправные решения каких-либо задач. Установление ответственности только лишь за создание системы, на наш взгляд, не охватывает этот момент.

Под созданием программы понимают «комплекс операций, состоящий из подготовки исходных данных, предназначенных для управления конкретными компонентами системы обработки данных в целях уничтожения, блокирования, модификации или копирования информации» [85, с. 1318]. В науке имеются другие определения, но, в основном, все они сводятся к тому, что описываются деяния, направленные на возникновение программы, которая ранее не существовала или не обладала определенными функциями.

Исходя из этого, думается, что если в существующий искусственный интеллект не вносится новый программный код, а система лишь обучается преступному поведению, то такое деяние не подпадает под признаки создания, а значит, требует отдельного закрепления в диспозиции статьи.

Однако, введение в уголовный закон новых языковых конструкций по правилам юридической техники допускается тогда, когда не является возможным использование уже существующих конструкций [23]. Это обуславливает необходимость анализа УК РФ относительно допустимости использования действующих конструкций.

По существу, обучение искусственного интеллекта может иметь как существенные отличия, так и сходства с обучением человека. В контексте уголовного права можно обратить внимание на уже имеющиеся составы преступления, связанные с формированием у человека преступных навыков. Так, статьей 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» запрещается, помимо прочего, подготовка лица в целях совершения террористических преступлений. Деяние в виде подготовки других лиц упоминается также в статьях 212 и 361 УК РФ.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 №1, подготовка лиц в целях совершения преступлений, указанных в части 1 статьи 205.1 УК РФ, заключается в обучении правилам обращения с оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, средствами связи, правилам ведения боевых действий, а также в проведении соответствующих инструктажей, тренировок, стрельб, учений и т. п. [129].

В ст. 212 УК РФ под подготовкой лица для организации массовых беспорядков или участия в них, понимается «деятельность, направленная на обучение практическим навыкам по противодействию сотрудникам полиции и иным представителям власти, участвующим в пресечении антигосударственных и иных противоправных акций, правилам обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными общеперильными веществами и предметами, на проведение занятий по физической и психологической подготовке, соответствующих инструктажей, тренировок, учений и т. п.» [24].

Как видно из представленных определений, подготовка является достаточно содержательным явлением, включающим получение каких-либо сведений и практических знаний.

В ст. 359 УК РФ «Наемничество» указывается иной признак – обучение. Обучение наемников состоит «в организации и проведении с ними занятий по физической и психической подготовке к военным действиям, овладению специальными знаниями и навыками пользования различными видами оружия, техники, взрывчатыми и отравляющими веществами, по проведению диверсий, изучению тактики ведения силовой борьбы в разнообразных климатических условиях обстановки вооруженного конфликта или военных действий» [16, с. 120].

То есть, термин «обучение» в уголовном законе также означает получение каких-либо знаний и навыков в определенной сфере. Думается, такой признак может быть включен в диспозицию статьи, предусматривающей ответственность за деятельность, связанную с созданием вредоносного искусственного интеллекта. Еще одним аргументом в пользу данной позиции служит характерная для искусственного интеллекта особенность – машинное обучение.

Машинное обучение – одно из направлений искусственного интеллекта, основной принцип которого заключается в том, что машины получают данные и «обучаются» на их основе. Оно дает системе возможность научиться самостоятельно распознавать шаблоны и делать прогнозы. Глубинное обучение является подмножеством машинного обучения. Оно использует некоторые методы машинного обучения для решения реальных задач, применяя нейронные сети, которые могут имитировать принятие решений человеком [78].

С учетом видового и непосредственного объектов новая статья могла бы быть размещена сразу после ст. 273 УК РФ, предусматривающей ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, с соответствующим номером – 273.1 УК РФ.

Субъективная сторона должна характеризоваться только прямым умыслом. Кроме того, для исключения двоякого толкования статьи, в состав преступления следует включить специальную цель – совершения одного или нескольких преступлений.

Субъектом такого преступления может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Диспозиция ч. 1 ст. 273.1 УК РФ, на наш взгляд, могла бы выглядеть следующим образом:

1. Создание, обучение, распространение или использование искусственного интеллекта в целях совершения одного или нескольких преступлений.

По конструкции объективной стороны состав является формальным. Под запретом, таким образом, окажутся указанные действия, независимо от того, удалось ли в действительности совершить задуманное преступление. В том случае, если лицу удалось и создать искусственный интеллект, и совершить с помощью него преступление, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Федеральным законом от 26.07.2017 № 194-ФЗ в УК РФ была введена статья 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» [7]. Законодателем фактически были взяты за основу статьи 272–274 с учетом того, что аналогичные деяния могут быть направлены и на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Отечественные авторы подчеркивают, что объекты критической информационной инфраструктуры действительно требуют особой уголовно-правовой охраны. Концептуально решение о введении в уголовный кодекс статьи, направленной на привлечение к уголовной ответственности лиц, посягающих на объекты информационной инфраструктуры особой значимости, обосновано [48, с. 138–139].

Поскольку нельзя исключать системный характер уголовного закона, было бы логично включить в ст. 274.1 УК РФ запрет на создание, обучение, распространение или использование искусственного интеллекта, заведомо предназначенного для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Вышеуказанные рекомендации по совершенствованию законодательства являются лишь начальными разработками на пути совершенствования норм, в области регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом. Основная задача предлагаемых рекомендаций – обратить внимание законодателя, теоретиков и практических работников к существующим пробелам уголовного права и совместно разработать меры по их преодолению. Вместе с тем, думается, что представленные редакции статей вполне отвечают действующей Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, в соответствии с которой к принципам развития и использования технологий относятся защита прав и свобод человека, а также безопасность [10].

Проведенное исследование, таким образом, позволило сформулировать следующие выводы.

1. Научные труды и судебная практика показывают, что создание и использование искусственного интеллекта с целью нанесения вреда правам и свободам человека уже имеют место. В дальнейшем, число случаев использования систем искусственного интеллекта с преступным умыслом будет возрастать.

2. Действующее уголовное законодательство не в полной мере охватывает охрану общественных отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта. Более того, сам факт создания вредоносного искусственного интеллекта обладает высокой общественной опасностью, что обуславливает необходимость самостоятельного состава преступления.

3. Предлагается включить в УК РФ ст. 273.1 УК РФ, диспозиция ч. 1 которой, должна включать такие признаки, как создание, обучение, распространение или использование искусственного интеллекта в целях совершения одного или нескольких преступлений. Кроме того, было бы логично включить в ст. 274.1 УК РФ запрет на создание, обучение, распространение или использование искусственного интеллекта, заведомо предназначенного для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

2.3. Проблемы уголовно-правового регулирования применения интеллектуальных систем вооружения

В науке правильно указывается, что будущие военные столкновения и войны – во многом, «войны с широким использованием интеллектуализированных и робототизированных средств поражения (боевых роботов), а также интеллектуализированных пространственно-распределенных систем военного и двойного назначения. Это – тенденция перспектив развития средств поражения, и к такому направлению развития вооружений следует готовиться заблаговременно» [44, с. 14].

Автономные системы вооружения уже давно стали реальностью и используются в вооруженных силах ряда государств. Их особенность состоит в том, что выполнение боевых действий становится возможным без прямого участия человека. Как отмечает И. Н. Глебов, «к задачам автономной военной техники относятся не только сопроводительные (транспортные, саперные, энергетические), но и

непосредственно боевые, направленные на поражение и уничтожение врага» [46, с. 104–105].

На первый взгляд, использование автономных систем вооружения кажется эффективным средством ведения военных действий, позволяющим обеспечить сохранность «живой силы». Вместе с тем, научно-техническое развитие таких средств имеет определенные недостатки, часть из которых заслуживает пристального внимания законодателя.

Современное вооружение совершило большой, но быстрый скачок от управляемых человеком на расстоянии устройств до машин, принимающих решение самостоятельно или частично самостоятельно.

Широко используются, например, боевые самолеты способные выполнять множество сложных автоматизированных процессов полета, включая полностью автоматизированный взлет-посадку, поиск точек GPS и поддержание местоположения произвольной точки вокруг GPS на заданной высоте, а также многочисленные возможности автоматического сбора и обработки изображений [91].

В военно-морских силах применяются безэкипажные средства, на которые возлагаются задачи по опережающему обнаружению угроз, целеуказанию, сопровождению и уничтожению вероятного противника. К таким безэкипажным средствам в настоящее время относятся: необитаемые подводные аппараты, автоматизированные безэкипажные катера, беспилотные летательные аппараты, наземные роботизированные системы [74].

Хотя все вышеуказанные системы являются высокоавтоматизированными, они не считаются автономными, поскольку все еще эксплуатируются под наблюдением человека и прямым контролем. Разумеется, в настоящей монографии не ставилась задача перечисления всех видов автономных интеллектуальных систем вооружения, что представляется отдельным и весьма серьезным исследованием. Вместе с тем, указание на отдельные их виды способствует общему представлению об уровне технического прогресса.

Необходимо отметить, что суть автономности систем вооружения, в целом, в науке и практике не является темой серьезных дискуссий, тогда как степень автономности является более неоднозначным понятием.

Под автономным оружием понимается система вооружений, которая может без участия людей выбирать цели, принимать решения по их уничтожению, планировать уничтожение целей и уничтожать их [71, с. 10].

В зарубежной литературе, к примеру, указывается, что термин «автономный» используется инженерами для обозначения систем, которые работают без непосредственного человеческого контроля или надзора. Также используются термин «автоматизированный», чтобы отличить системы или процессы, которые включают повторяющиеся, структурированные, рутинные операции без большого количества информации обратной связи (например, посудомоечная машина), от «роботизированных» или «автономных» систем, которые работают в динамической, неструктурированной, открытой окружающей среде, основываясь на информации обратной связи от различных датчиков. Независимо от этих различий все такие системы следуют алгоритмическим инструкциям, которые почти полностью фиксированы и детерминированы, кроме их зависимости от непредсказуемых данных датчика и узко ограниченных вероятностных вычислений, которые иногда используются для обучения и исправления ошибок [91, с. 690].

Искусственный интеллект в вооружении применялся первоначально для решения мелких задач, в первую очередь, для избавления человека от повторяющихся операций. К текущему времени программное обеспечение реализует значительно большее количество функций.

При этом проведенные исследования показывают, что вооружение, оснащенное полноценным искусственным интеллектом, в настоящий момент отсутствует, но существует большая вероятность его появления в ближайшие 20–30 лет [64, с. 19]. Полноценность автономности будет означать способность самостоятельно принимать решения о выборе цели и взаимодействия с ними без человеческого контроля.

В литературе достаточно подробно описаны риски вооружения, оснащенного полноценным искусственным интеллектом. Не все из них являются значимыми для права, но большая часть не должна остаться без внимания законодателя. В качестве рисков, например, указываются:

1. Некорректные данные для обучения или самообучения системы искусственного интеллекта;
2. Неправомерное использование интеллектуальных систем в различных отраслях;
3. Случайное воздействие оружия противника на вооружение, военную и специальную технику, оснащенную искусственным интеллектом;

4. «Бунт машин», то есть, сознательное противодействие человечеству [41, с. 11].

Выделяется риск взлома автономного интеллектуального вооружения и, думается, это одно из самых вероятных и негативных вариантов развития ситуации при его использовании. М. Клинецвич называет такой риск непреодолимым, а также приводит, в качестве примера, возможные цепочки последствий: использование автономного оружия против гражданского населения или собственных войск; использование в качестве отвлекающего маневра; использование в террористической деятельности и другие [110, с. 191–193].

А. Шуллер (A. L. Shuller) в качестве одного из рисков называет непредсказуемость окружающей действительности, поскольку, например, даже самые простые боевые сценарии часто намного сложнее, чем лабораторные условия, в которых попросту невозможно предусмотреть весь ход событий. В зависимости от конкретных характеристик системы прогноз вероятности событий может быть простым, невозможным или чем-то средним [121, с. 409–412].

Оппоненты интеллектуальных систем вооружения приводят аргументы о том, что машина не сможет провести различие между комбатантами и гражданским населением, обеспечить пропорциональное применение военной силы. Это, по их мнению, делает использование автономного оружия на поле боя незаконным. Если интеллектуальная система вооружения все же будет применена и повлечет чрезмерную гибель гражданского населения, то не ясно, кто может быть привлечен к юридической ответственности [89, с. 119].

Еще один довод против внедрения полноценного искусственного интеллекта в вооружение связан с неспособностью, по мнению критиков, автономных систем оружия безошибочно распознавать намерения человека. Хотя программное обеспечение для распознавания жестов и намерений для разработки автономных систем существует, оно все еще находится на начальном этапе развития [120, с. 248].

Кроме того, указывается на отсутствие эмоций, которые могли бы воспрепятствовать чрезмерному, нерациональному нанесению вреда, в том числе, гражданскому населению. В то же время, сторонники автономного вооружения отмечают, что отсутствие эмоций как раз означает отсутствие мести, стресса, ярости и других психических проявлений, которые могут повлечь излишний ущерб [120, с. 249].

Думается, большая часть названных рисков будет преодолена с дальнейшим развитием систем искусственного интеллекта. В то же

время, это произойдет лишь через определенное время, тогда как автономное вооружение существует и используется уже сейчас. В связи с этим возникают вопросы регулирования его использования со стороны международного и отечественного права.

Утвержденная 10.10.2019 г. «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» определяет регулирование отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта [10].

Согласно п. «б» ст. 19 указанной стратегии, «основным принципом развития и использования таких технологий является безопасность, то есть недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта» [10].

Автономное интеллектуальное оружие, как и любое другое оружие, предназначено для умышленного причинения вреда. Учитывая то, что частичное внедрение систем искусственного интеллекта в Вооруженные силы Российской Федерации уже состоялось [132], это едва ли соответствует указанному принципу. Разумеется, с учетом сложившейся международной политической обстановки, ни одно государство, обладающее достаточно материально-технической базой, просто так не откажется от разработки автономного оружия. В связи с этим представляется, что в п. «б» ст. 19 «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» следовало бы включить оговорку о возможности легального использования искусственного интеллекта в военных формированиях.

Поскольку автономное интеллектуальное вооружение разрабатывается, в первую очередь, с расчетом на участие в боевых действиях и военных конфликтах, необходимо обратить внимание на положения международного гуманитарного права. Ключевым источником, регулирующим проблемы использования оружия, являются Женевские конвенции от 12.08.1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. Давность разработки, заключения и ратификации данных договоров указывает, что вооружение с искусственным интеллектом еще не могло быть принято во внимание, поскольку оно появилось позднее. Вместе с тем, положения Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним были сформулированы таким образом, чтобы охватить все возможные ситуации, связанные с защитой жертв во-

оруженных конфликтов. Это указывает на необходимость исследования положений, поскольку их формулировки могут охватывать и применение автономного оружия, оснащенного искусственным интеллектом.

Так, статья 36 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям гласит, что «при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны Высокая Договаривающаяся Сторона должна определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо других нормах международного права, применяемых к Высокой Договаривающейся Стороне» [3].

Таким образом, разработка и принятие на вооружение автономного интеллектуального оружия должны быть проверены на предмет соответствия Женевским конвенциям и Дополнительным протоколам к ним. Разумеется, данные акты прямо не запрещают автономные оружия. Но отдельные положения называют признаки, которые, на первый взгляд, могут быть характерными для боевых интеллектуальных систем.

Согласно ст. 35 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям «запрещается применять оружие и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания. Кроме того, запрещается применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде» [3].

В том случае, если на вооружение было принято автономное интеллектуальное оружие, алгоритмы которого добросовестно были созданы, а обучение для исключения причинения излишних повреждений или излишних страданий проведено, то такое оружие не подпадает по действие ст. 35. Как уже указывалось, боевые условия существенно отличаются от лабораторных, поэтому вполне может возникнуть непредвиденная ситуация, при которой автономное вооружение совершит ошибку. Однако это случается и при использовании традиционного оружия человеком.

Разумеется, в том случае, если алгоритмы были сформированы, а обучение было проведено умышленно с целью, например, создания искусственного интеллекта, направленного на уничтожение всех в поле видимости без исключений, то такое вооружение, безусловно,

запрещается ст. 35 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям. Однако, думается, это маловероятно, поскольку каждый создатель вооружения обеспокоен и собственной безопасностью.

Ст. 37 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, запрещает «убивать, наносить ранения или брать в плен противника, прибегая к вероломству, то есть к действиям, направленным на то, чтобы вызвать доверие противника и заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить такую защиту согласно нормам международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, с целью обмана такого доверия (например, симулирование намерения вести переговоры под флагом перемирия)» [3].

Думается, что современное автономное вооружение не предназначено для поведения, описанного в данной статье. Текущие разработки направлены на то, чтобы искусственный интеллект мог точно выполнить боевую задачу и реагировать на меняющуюся обстановку. Сейчас нельзя сказать, что автономное вооружение идеально соответствует данным критериям.

Обучение программы навыкам вероломства было бы не менее легкой задачей. Самостоятельное обучение искусственного интеллекта таким навыкам также кажется маловероятным. Впрочем, нельзя исключать появление подобных алгоритмов в будущем, но на текущий момент автономное вооружение не может быть запрещено ст. 37.

Отдельными положениями устанавливается защита комбатантов при определенных ситуациях. В силу ч. 1 ст. 41 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям запрещается «подвергать нападению лицо, которое признано или которое в данных обстоятельствах следует признать лицом, вышедшим из строя» [3]. Согласно ч. 1 ст. 41 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям «ни одно лицо, покидающее на парашюте летательный аппарат, терпящий бедствие, не подвергается нападению в течение своего спуска на землю» [3].

Как уже отмечалось, современные системы искусственного интеллекта не всегда способны правильно определить поведение человека. Может сложиться ситуация, при которой автономное вооружение уничтожит человека, находящегося без сознания, или опускающегося на землю после крушения летательного аппарата, поскольку алгоритмы неверно оценили обстановку. Однако, как и в вышеописанных случаях о какой-либо ответственности государства, разработчика или иных лиц можно говорить лишь тогда, когда автономное вооружение было допущено к участию в боевых действиях с заведомо непригодными для этого обучением, сенсорами или иными компонентами.

В соответствии с ч. 2 ст. 51 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население. Кроме того, согласно ч. 4 ст. 51, нападения неизбирательного характера запрещаются [3].

В дополнение к этим положениям, как правильно отмечает П. М. Морхат, действует преамбула к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907 г., согласно которой «впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» [цит. по: 64, с. 21].

Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям также отдельно оговаривает защиту от нападений на некоторые виды объектов и местностей.

Точно так же, как и в ранее рассмотренных ситуациях, разрешение основной проблемы применения автономного оружия и оценки его правомерности зависит от того, насколько успешно искусственный интеллект может распознать отдельные категории людей, объектов и местностей.

Таким образом, под запреты, установленные Женевскими конвенциями, подпадает следующее автономное оружие:

1. Умышленно разработанное действовать с нарушением таких запретов;
2. Обладающее алгоритмами, сенсорами или иными комплектующими, заведомо для пользователя не позволяющими точно соблюдать такие запреты.

Если автономное вооружение добросовестно разрабатывалось и использовалось с учетом действующих запретов, то даже в случае их нарушения какая-либо ответственность исключается. Следовательно, большинство видов автономного оружия соответствует установленным требованиям.

Ученые, анализируя сложившуюся правовую ситуацию, не могут прийти к однозначному варианту ее разрешения. Представляется

необходимым обратить внимание на отдельные позиции по данному вопросу.

Так, А. Шуллер (A. Shuller) не выступает в пользу тотального запрета автономного оружия, но предлагает закрепить в международном гуманитарном праве ряд принципов, при которых допускается его разработка и принятие на вооружение. Выделяются следующие принципы:

1. Решение об убийстве ни при каких условиях не может быть заложено в функции интеллектуальной системы;

2. Автономное оружие легально может управляться только с помощью средств программирования;

3. Международное гуманитарное право не требует взаимодействия со стороны человека непосредственно перед тем, как автономное оружие приступит к смертельному кинетическому действию;

4. Для соответствия положениям международного гуманитарного права необходима разумная предсказуемость, но она будет зависеть от конкретных элементов цикла НОРД, предоставленных автономному оружию²;

5. Ограничения, накладываемые на автономное интеллектуальное оружие, могут компенсировать нехватку производительности [121].

Ю. Альтман (J. Altmann) и Ф. Зауэр (F. Sauer), в целом, придерживаются идеи запрета автономного оружия на международном уровне. Вместе с тем, ими предлагаются три альтернативы запрету (возможно и их сочетание). Первой альтернативой является согласованный на международном уровне мораторий на разработку и развертывание автономного интеллектуального вооружения, что позволит получить некоторое время для дальнейших исследований, дополнительного рассмотрения рисков и преимуществ. Второй их них – «кодекс поведения» (не обладающего обязательной юридической силой) с упором на соблюдение существующего международного гуманитарного права и более строгие односторонние обзоры вооружений в соответствии с Женевскими конвенциями. Третья альтернатива – это соглашение между ведущими державами и государствами, ведущими разработки автономного оружия, что снизит риски стратегической эскалации [89, с. 140–142].

² Цикл НОРД («петля Бойда») – это кибернетический самовоспроизводящийся и саморегулирующийся цикл, имеющий в своей структуре четыре процесса: наблюдение, ориентация, решение, действие.

М. Шмитт (M. Schmitt) и Дж. Тернер (J. Thurnher) подчеркивают, что автономные системы оружия сами по себе не являются незаконными. Их автономия не имеет прямого отношения к вероятности того, что их деятельность приведет к ненужным страданиям или излишним травмам. Могут быть разработаны отдельные системы, которые будут нарушать нормы Женевских конвенций, но автономные системы оружия не запрещены на этой основе как категория. Люди всегда будут нести ответственность за использование оружия. Хотя они будут постепенно делегировать больше задач автономным системам, ответственность за надлежащее использование систем, тем не менее, останется за операторами и командирами. В связи с этим, авторы полагают, что на данном этапе было бы безответственно запретить автономное оружие, поскольку это может лишить командиров ценного инструмента для минимизации риска для гражданских лиц и гражданских объектов в определенных сценариях нападения. Пока нет абсолютной ясности по поводу развития искусственного интеллекта (и оружия с его использованием), было бы наивно преждевременно делать окончательные правовые, моральные и иные выводы относительно использования автономных систем оружия [120].

Р. Спэрроу (R. Sparrow) в своих трудах отмечает важность создания международного договора, запрещающего использование автономного оружия. В то же время, он подчеркивает, что исполнение такого договора является гораздо более сложной задачей, чем составление и подписание [125, с. 115–116].

К. Андерсон (K. Anderson) и М. Ваксман (M. Waxman) считают, что запрет автономного оружия все равно не будет работать, поэтому следует предпринимать иные меры правового регулирования. Авторы указывают, что уже существующие нормы достаточно правильно сконструированы и позволяют решать новые задачи, возникающие в связи с роботизированными системами. Лучший способ адаптировать существующие нормы для работы с новыми технологиями – это объединенный международный и национальный диалог, призванный способствовать распространению общих стандартов и распространению передового опыта [27].

По мнению П. Асаро (P. Asaro), лишение человека права на жизнь не может быть возложено на автоматизированные системы, и это является основанием для запрета автономного оружия [91, с. 707–708]. Доводы автора связаны, в первую очередь, с нормами нравственности, которые должны совершенствоваться, а не деградировать с каждым технологическим нововведением.

Как подчеркивает П. М. Морхат, «обеспечение соблюдения требований и принципов международного гуманитарного права, возможно только при принятии необходимых мер на уровне законодательства конкретных государств. Такие меры должны быть направлены на регулирование разработки и применения искусственного интеллекта не только в военных целях, но и в целом» [64, с. 24].

Исследование научной литературы показывает дискуссионный характер правового регулирования автономного интеллектуального оружия. Как видно, в основном, сложились следующие позиции:

1. Необходим тотальный запрет автономного оружия;
2. Необходим выборочный запрет отдельных видов автономного оружия;
3. Необходимо закрепить конкретные правила и принципы использования автономного оружия.

Думается, что риски использования автономного оружия существенно перевешивают его преимущества. Невозможно обеспечить неприступную защиту от кибератак, как и быть уверенным в том, что искусственный интеллект распознает всевозможные стечения обстоятельств. В силу того, что одна интеллектуальная система может управлять бесчисленным количеством материальных воплощений (агентов), ущерб от ее деятельности может быть колоссальным и невосполнимым. В связи с этим и основываясь на мнениях иных ученых, наиболее приемлемой, на первый взгляд, кажется позиция тотального запрета автономного оружия.

Вместе с тем опасность нанесения значительного вреда имеется также у ядерного или любого иного вида оружия – все зависит от того, как его использовать. А здравый смысл подсказывает, что в ближайшем будущем оружие будет продолжать выступать в качестве неотъемлемой части жизни человечества. Запрет, даже принятый на международном уровне и одобренный большинством государств, вряд ли будет соблюдаться всеми – это означает, что рано или поздно в такой ситуации какая-либо страна все равно станет обладателем автономного оружия. Более того, поскольку технический прогресс неостановим, то даже если автономное оружие не будет разрабатываться по инициативе официальных органов власти, всегда найдутся отдельные лица (инженеры, программисты), навыки которых приведут к созданию отдельных его видов.

Бесполезность запрета, современная международная политическая обстановка и криминологические знания подталкивают к заня-

тию иной позиции. Действительно, необходимо формирование конкретных правил и принципов разработки и использования автономного вооружения. Думается, оправданы и отдельные запреты, поскольку они могут подтолкнуть к деятельности в нужном направлении.

Так, очевидно, должны соблюдаться положения Женевских конвенций и других актов международного гуманитарного права, выработанные на протяжении долгих лет и основанные на реальном опыте военной деятельности. В связи с этим, безусловному запрету (с привлечением к ответственности) должны подвергаться разработки автономного оружия, алгоритмы и функции которого заведомо не соответствуют нормам Женевских конвенций и других актов международного гуманитарного права. В том случае, если интеллектуальное оружие безукоризненно способно выполнять боевые действия, различать комбатантов и гражданское население, исключать излишние смерти и повреждения, то какой-либо рациональной необходимости его запрета не видится.

Таким образом, даже существующие международные нормы вполне подходят для регулирования разработки и использования автономного интеллектуального оружия. В то же время, вопрос об ответственности лиц, допустивших нарушения, разрешается, в том числе, благодаря нормам отечественного уголовного права, в связи с чем необходимо рассмотреть возможности их применения, а при необходимости – совершенствования.

Имплементацией международного гуманитарного права в уголовном праве России является, в частности, ст. 356 УК РФ. Согласно ч. 1 данной статьи, наказуемо жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации. Объективная сторона квалифицированного состава (по мнению отдельных авторов – самостоятельного состава), предусмотренного ч. 2 ст. 356 УК РФ, включает применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации [5].

Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, являются объекты, которые находятся под защитой международного права (к примеру, санитарные подразделения, природная среда и природные ресурсы, культурные ценности). Помимо Женевских конвенций, к международным актам, защищающим такие объекты, отно-

сятся, помимо прочего, Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. [4] и IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. [3]. Перечисленные акты являются лишь частью множества иных источников.

Потерпевшими по ч. 1 ст. 356 УК РФ, как следует из диспозиции, являются военнопленные, а также гражданское население. Их статус достаточно подробно регулируется международными актами, указанными выше.

Общественно опасные деяния, описанные в ч. 1 ст. 356 УК РФ, могут быть совершены как в форме действия, так и в форме бездействия. Это особенно важно, применительно к ситуациям, связанным с использованием автономного интеллектуального оружия. Вполне вероятной видится ситуация, при которой искусственный интеллект принимает заведомо неправомерное решение об уничтожении объектов, в то время, как контролирующий его человек (на которого возложены соответствующие обязанности) не предпринимает каких-либо действий для предотвращения вреда, хотя у него была возможность это сделать.

В качестве аргумента в пользу того, что такое преступление может быть совершено бездействием, в литературе приводится следующий случай. «Токийский военный трибунал приговорил к смертной казни бывшего командующего японской армией в Китае генерала Мацуи за зверства, совершенные японскими войсками при захвате Нанкина в 1937 г. В приговоре было отражено, что генерал сам не давал распоряжения об убийстве более 200 тыс. мирных жителей, но “обладал достаточной властью для того, чтобы установить контроль за своими войсками и защитить несчастных жителей Нанкина. Это был его долг. Он должен нести уголовную ответственность за то, что не выполнил этот долг”» [16, с. 32].

Диспозиция ч. 1 ст. 356 УК РФ предусматривает следующие альтернативные общественно опасные деяния:

- 1) жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением;
- 2) депортация гражданского населения;
- 3) разграбление национального имущества на оккупированной территории;
- 4) применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации.

Категория «жестокое обращение» является оценочной, а значит, ее оценка будет существенно зависеть от конкретной ситуации. Л. В. Ино-

гамова-Хегай, например, относит к жестокому обращению «убийство, пытки, истязания и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, преднамеренное причинение тяжких страданий, нанесение ущерба здоровью» [25].

Для современного искусственного интеллекта не характерно наличие каких-либо желаний, эмоций, в том числе садистских наклонностей. Автономное оружие едва ли будет стремиться причинять избыточные страдания или иной вред, если не было этому обучено (умышленно или в результате ошибки). В связи с этим, вменение жестокого обращения с военнопленными или гражданским населением искусственному интеллекту невозможно, хотя ответственность разработчика или командира исключать не следует.

Анализ таких признаков, как депортация гражданского населения и разграбление национального имущества на оккупированной территории, в текущем параграфе представляется возможным оставить без внимания, поскольку он посвящен исследованию оружия, которое для таких действий не предназначено.

Преступным признается применение средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации, если это прямо указано в соответствующем акте, имеющем юридическую силу для Российской Федерации.

Как показало исследование Женевских конвенций, автономное оружие прямо не запрещено международным законодательством, поэтому его использование в вооруженном конфликте является разрешенным. Вопрос о привлечении к уголовной ответственности можно поднимать в случаях, когда:

- автономное оружие умышленно было разработано или обучено в нарушение положений Женевских конвенций;
- автономное оружие было разработано или обучено в нарушение положений Женевских конвенций по неосторожности, но ответственное лицо допустило его участие в вооруженном конфликте, будучи осведомленным о таких нарушениях;
- автономное оружие было разработано или обучено в соответствии с положениями Женевских конвенций, но использовалось в недопустимых ситуациях (например, для истребления гражданского населения).

Переходя к субъективным признакам, состава преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, необходимо отметить следующее. В нормах международного права форма вины обычно не упоминается

(хотя исключения, конечно, есть). Природа большинства международных преступлений такова, что они могут быть совершены только умышленно и с четко определенными целями [24, с. 99].

В отечественном уголовном законе, в таких случаях действует правило: «Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» [5].

В то же время, уголовному закону знакомы исключения из правила. Так, согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», исходя из положений ч. 2 ст. 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления [130].

Однако, акты официального толкования по применению ст. 356 УК РФ, на текущий момент отсутствуют, а в диспозициях ч. 1 и ч. 2 не имеется указания на неосторожную форму вины. Поэтому, если следовать букве закона, а именно положениям ст. 24 УК РФ, анализируемый состав преступления может быть реализован только с умышленной формой вины.

Особенностью субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 356 УК РФ, также является и обязательное знание виновным того, что он совершает эти преступления во время войны или вооруженного конфликта либо в связи с ними. Например, убийство военнопленного, не связанное с его статусом, должно квалифицироваться по ст. 105 УК РФ [16, с. 103].

Совершение любого преступления в сочетании с использованием систем искусственного интеллекта вызывает некоторые проблемы определения субъекта, даже если состав преступления не включает специальных признаков. Что касается общественно опасного деяния, запрещенного ст. 356 УК РФ, то субъект данного преступления имеет некоторые особенности.

В соответствии с международными актами, именно государство несет обязательства по возмещению ущерба, нанесенного деятельностью его представителей. Это не препятствует привлечению их к уголовной ответственности.

Состав преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, характеризуется специальным субъектом. В. И. Гладких и В. С. Курчеев указывают, что в качестве него могут выступать лица, входящие в состав участников вооруженного конфликта [18, с. 614].

Также в литературе отмечается, что издание приказа на применение запрещенных средств и методов ведения войны совершается только руководителем (начальником), имеющим такие полномочия. В международном праве для обозначения указанных лиц чаще всего используются термины: «начальник», «военный командир», «лицо, эффективно действующее в качестве военного командира» и т. д. (например, ст. 28 Римского Статута) [16, с. 111–112].

Искусственный интеллект может выполнять различные функции в вооруженном конфликте. Выступая не только в качестве оружия, интеллектуальные системы могут использоваться для оперативного управления или вспомогательных задач. Но, как показало исследование, отраженное в предыдущей главе, искусственный интеллект не является субъектом преступления и не может быть признан им в ближайшее время (до тех пор, пока не будет наделен полноценной правосубъектностью). В связи с этим возникает вопрос – кто подлежит ответственности за применение в вооруженном конфликте автономного вооружения, запрещенного международным договором Российской Федерации?

Безусловно, руководитель, в соответствии с наделенными полномочиями, за издание приказа на применение заведомо запрещенного автономного оружия, подлежит уголовной ответственности по ст. 356 УК РФ. Между тем, руководитель не всегда может быть осведомлен о технических характеристиках нового вооружения, что указывает (хотя и не всегда) на отсутствие умысла, поскольку лицо не желало и не допускало применения запрещенных средств и методов.

Разработчики автономного оружия могли умышленно или по неосторожности создать либо обучить его в нарушение действующих международных актов. Проблема заключается в том, что разработчики, как правило, не входят в состав участников вооруженного конфликта и тем более не отдают приказов о применении какого-либо средства или метода. Поэтому их ответственность по ст. 356 УК РФ исключается. В то же время, допускается квалификация содеянного по иным статьям уголовного закона, например, ст. 355 «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения» или ст. 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт,

хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов».

В том случае, если использование автономного оружия в нарушение международных актов было произведено вследствие неправомерного воздействия лиц (в частности, из-за взлома или обмана искусственного интеллекта), то привлечение к уголовной ответственности необходимо, но, опять же, не по ст. 356 УК РФ.

Таким образом, можно сформулировать следующие промежуточные выводы. Ст. 356 УК РФ является достаточно удачной имплементацией международных актов, но их содержание прямо влияет на возможность применения данной статьи. Поскольку автономное оружие прямо не запрещено международным законодательством, его использование в вооруженном конфликте является разрешенным. Привлечение к уголовной ответственности по ст. 356 УК РФ возможно только в случаях, когда автономное оружие умышленно применялось в нарушение положений Женевских конвенций и других актов международного права участником вооруженного конфликта, обладающим соответствующими полномочиями.

Кроме этого, хотелось бы обратить внимание на то, что существуют иные проблемы уголовно-правового регулирования автономного оружия, помимо неправомерного использования в вооруженных конфликтах. Как верно отмечают Ю. Альтман (J. Altmann) и Ф. Зауэр (F. Sauer), распространение автономного оружия или систем искусственного интеллекта, управляющего им, может происходить на сером и черном рынках. Таким образом, автономные системы могут попасть не только в руки технически подчиненных государственных субъектов, но и негосударственных субъектов, включая экстремистские группы. Террористические организации уже развернули и использовали вооруженные беспилотники. Автономия, в этом контексте, не обязательно требует точности военного уровня – для этих субъектов будет достаточно быстрого и грязного подхода. Фактически, само собой разумеется, что террористические группы будут использовать возможности автономного убийства без разбора [89].

Разумеется, неправомерное использование оружия осуществляется не только представителями террористических организаций. Приобретение разновидностей боевого искусственного интеллекта может вызвать большой интерес среди участников и лидеров организованных преступных формирований, перекупщиков или отдельных физических лиц. Ряд авторитетных ученых считают вполне возможной си-

туацию, при которой на черном рынке окажется массовое количество недорогих противопехотных микророботов, которые могут быть развернуты одним человеком для анонимного убийства тысяч или миллионов людей, которые соответствуют критериям таргетинга пользователя [118, с. 40].

Появление ядерного оружия также вызывало опасение его нелегального оборота. При этом ученые утверждают, что отдельные его части все же имеются на черном рынке [106].

Ядерное оружие весьма трудоемко в изготовлении и для обращения с ним требуются специальные познания, но даже оно пользуется определенным спросом. Экстраполируя такую ситуацию на отношения, связанные с искусственным интеллектом, можно с большой вероятностью спрогнозировать его теневой оборот. Кроме того, в отличие от ядерного оружия, искусственный интеллект может быть приобретен через информационно-телекоммуникационные сети на одном конце земного шара, а на другом – подключен к носителю (агенту).

Вполне справедливым представляется утверждение Д. В. Живаева о том, что «в общемировом масштабе можно вести речь об утрате контроля за оборотом оружия со стороны государства (в том числе за его торговлей, практически ставшей бесконтрольной), нестабильной экономической ситуации во многих странах, а также периодических потрясениях социально-экономического плана. Безусловно, не следует забывать и о востребованности оружия среди преступного сообщества, а также у определенных политических и экономических сил, напрямую заинтересованных в постоянной актуализации данной проблемы и все чаще использующих оружие, боеприпасы, взрывные устройства и взрывчатые вещества в качестве аргумента в решении того или иного вопроса для достижения своих целей [51].

Таким образом, незаконный оборот оружия, оснащенного системой искусственного интеллекта, если и не стал, то в ближайшее время может стать реальностью. Общественная опасность такого оборота выше, чем у обычного огнестрельного оружия, и может быть вполне сопоставима с оружием массового поражения. Это, думается, должно найти отражение в уголовном законе.

УК РФ содержит ряд статей, посвященных непосредственно противодействию незаконному обороту оружия:

– ст. 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов»;

- ст. 223 «Незаконное изготовление оружия»;
- ст. 225 «Ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»;
- ст. 226 «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»;
- ст. 226.1. «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов» [5].

В первых частях указанных статей запрещены определенные виды деятельности, в основном, с огнестрельным оружием. В ст. 222 и 223 УК РФ предусмотрены и другие самостоятельные составы преступления, посвященные другим видам оружия (газовому, холодному, метательному и другим). В этих двух статьях законодатель не посчитал целесообразным ужесточение уголовной ответственности в случае совершения общественно опасных деяний относительно иного предмета преступления.

В то же время, в ст. 225 и 226 УК РФ используется другой подход. Так, ч. 1 ст. 225 УК РФ предусматривает ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей лицом, которому была поручена охрана огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, если это повлекло их хищение или уничтожение либо наступление иных тяжких последствий. Во второй части данной статьи установлено более строгое наказание за ненадлежащее исполнение обязанностей по охране ядерного, химического или других видов оружия массового поражения либо материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, если это повлекло тяжкие последствия либо создало угрозу их наступления [5].

В ч. 1 ст. 226 УК РФ содержатся положения, запрещающие хищение либо вымогательство огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств. Во второй части данной статьи установлено более строгое

наказание за хищение либо вымогательство ядерного, химического или других видов оружия массового поражения, а равно материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения [5].

Как усматривается из санкций ст. 225 и 226 УК РФ, законодатель посчитал необходимым дифференцировать наказание в зависимости от предмета преступления. Думается, такой подход является вполне оправданным, учитывая повышенную общественную опасность хищения оружия массового поражения или их комплектующих.

В настоящем исследовании были приведены риски легального использования оружия, оснащенного искусственным интеллектом. В случае незаконного оборота вероятность реализации таких рисков возрастает, не говоря уже о последствиях, которые характерны для нелегальной деятельности, связанной даже с традиционными видами оружия.

Изложенное приводит к выводу о необходимости дифференциации ответственности в зависимости от предмета преступления. Думается, целесообразно включить в уголовный закон понятие «оружие с искусственным интеллектом», содержанием которого охватить не только автономное, но и иное оружие, оснащенное самообучаемой программой. Учитывая повышенную опасность, такое явление может выступать в качестве квалифицирующего признака.

Данный признак логично включить в ч. 3 ст. 222, ч. 3 ст. 223, а также дополнить им ч. 2 ст. 225 и ч. 2 ст. 226 УК РФ. Это, на наш взгляд, объективно бы отражало опасность содеянного и способствовало правильному уголовно-правовому регулированию оборота оружия.

Однако диспозиции указанных статей, являются бланкетными, что делает невозможным внесение признаков, отражающих предмет преступления, без изменения соответствующего законодательства.

Основным нормативным актом, регламентирующим отношения, связанные с оборотом оружия, является Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии». Данный акт включает следующие виды:

- огнестрельное;
- холодное;
- метательное;
- пневматическое;
- газовое;
- сигнальное [9].

В то время как автономное и иное оружие с искусственным интеллектом уже достаточно давно используется в вооруженных силах, указанный закон не содержит такой разновидности и специальных положений, посвященных ей. Думается, что соответствующие изменения назрели, поскольку иначе имеют место несколько правовых пробелов. Уже сейчас непонятно, к какому виду следует относить автономное оружие, поскольку оно может быть и огнестрельным, и холодным, и газовым, а также всеми сразу.

Похожего мнения придерживаются и иные ученые. Так, С. В. Канушкин подчеркивает, что нормативно-правовая база должна не только определять существующее положение дел, сколько открывать перспективу на будущее, поэтому целесообразно оптимизировать основные положения Федеральных законов «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», «О полиции», «Об оружии», «О противодействии терроризму» [53, с. 37–38].

С другой стороны, включение в Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ положений об автономном оружии является не только юридической проблемой. Для правильного регулирования необходимо участие специалистов в области оружия и кибернетики, и такая работа видится весьма долгой и трудоемкой. В настоящий момент можно лишь рекомендовать начать действовать в данном направлении, поскольку без совершенствования указанного нормативного акта невозможно и совершенствование уголовного закона.

Таким образом, проведенное исследование приводит нас к следующим выводам.

1. В то время как автономное и иное оружие с искусственным интеллектом разрабатывается, совершенствуется и используется, нормативно-правовая основа его регулирования практически отсутствует, что не позволяет однозначно оценить статус такого оружия. В то же время, существование автономное вооружение, в целом, не противоречит положениям международного гуманитарного права. Запретами, установленными Женевскими конвенциями, могут быть охвачены только следующие разновидности: умышленно разработанные действовать с нарушением таких запретов; обладающие алгоритмами, сенсорами или иными комплектующими, заведомо для пользователя не позволяющими точно соблюдать такие запреты.

2. В международной научной среде не сложилось единого мнения о необходимости прямого запрета на разработку и использования оружия с искусственным интеллектом. Имеются, в основном, следующие

позиции: необходим тотальный запрет автономного оружия; необходим выборочный запрет отдельных видов автономного оружия; необходимо закрепить конкретные правила и принципы использования автономного оружия. Несмотря на то, что наиболее приемлемой кажется позиция тотального запрета автономного оружия, запрет, даже принятый на международном уровне и одобренный большинством государств, вряд ли будет соблюдаться всеми, поэтому он не будет эффективным. Поэтому разумной представляется позиция о необходимости создания конкретных правил и принципов разработки и использования автономного вооружения. Думается, оправданы и отдельные запреты, поскольку они могут подтолкнуть к разработкам в нужном направлении.

3. Статья 356 УК РФ является достаточно удачной имплементацией международных актов, но их содержание прямо влияет на возможность применения данной статьи. Поскольку автономное оружие прямо не запрещено международным законодательством, его использование в вооруженном конфликте является разрешенным. Привлечение к уголовной ответственности по указанной статье возможно только в случаях, когда автономное оружие умышленно применялось в нарушение положений Женевских конвенций и других актов международного права участником вооруженного конфликта, обладающим соответствующими полномочиями.

4. Вероятность существования черного рынка автономного оружия в ближайшее время может стать достаточно высокой. При этом общественная опасность теневого оборота выше, чем у обычного огнестрельного оружия, и может быть вполне сопоставима с оружием массового поражения. Это приводит к выводу о необходимости дифференциации уголовной ответственности в зависимости от предмета преступления. Думается, целесообразно включить в уголовный закон понятие «оружие с искусственным интеллектом», содержанием которого охватить не только автономное, но и иное оружие, оснащенное самообучаемой программой. Учитывая повышенную опасность, такое явление может выступать в качестве квалифицирующего признака. Данный признак логично включить в ч. 3 ст. 222, ч. 3 ст. 223, а также дополнить им ч. 2 ст. 225 и ч. 2 ст. 226 УК РФ. Это, на наш взгляд, объективно бы отражало опасность содеянного и способствовало правильному уголовно-правовому регулированию оборота оружия. Вместе с тем, учитывая диспозиции бланкетного характера, прежде всего, следует усовершенствовать Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», иначе поправки в уголовное законодательство не будут иметь должного эффекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление, развитие и распространение искусственного интеллекта стало настоящим вызовом для всех отраслей права. С момента создания самых первых образцов уже не было тайной то, что когда-нибудь они станут использоваться в противоправных целях. Теперь же, когда преступления с применением искусственного интеллекта стали реализовываться на практике, уголовный закон еще более нуждается в совершенствовании.

Без правильного регулирования со стороны уголовного права, а также без совершенствования такого регулирования противоправные деяния, связанные с использованием систем искусственного интеллекта, будут иметь тенденцию к росту и представлять все большую опасность для общества. Некоторые направления работы по оптимизации законодательства нашли решение в настоящем исследовании.

В науке существует достаточно большое количество определенных искусственного интеллекта, не отличающихся единообразием. Законодательные дефиниции на текущий момент практически отсутствуют, за редким исключением. Проанализированные определения, в целом, правильно отражают сущность искусственного интеллекта, но не вполне соответствуют требованиям юридической техники, поскольку отличаются казуистичностью, избыточной конкретизацией или чрезмерным объемом. В попытках преодолеть указанные недостатки, автором было сформулировано следующее определение: *искусственный интеллект – это система электронных данных и команд, осуществляющая мыслительную деятельность.*

В контексте уголовно-правового регулирования, системы искусственного интеллекта могут быть разделены на следующие категории, в зависимости от цели создания:

- искусственный интеллект, предназначенный для противоправной деятельности;
- искусственный интеллект, предназначенный для законной деятельности.

Уголовный закон не нуждается в отдельном определении искусственного интеллекта. Бланкетный характер конструкций уголовного закона позволяет производить отсылки к другим актам, что является оптимальным решением вопроса о разъяснении понятия искусственного интеллекта в уголовном праве. На время отсутствия специальных нормативных актов об интеллектуальных системах целесообразно

но разместить дефиницию в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Общественные отношения, возникающие по поводу использования искусственного интеллекта, нецелесообразно выделять в качестве родового или видового объекта преступления. Учитывая специфику искусственного интеллекта, его отличия от иных компьютерных программ, в дальнейшем целесообразно выделить связанных с данным явлением общественных отношений в качестве непосредственного объекта преступления с соответствующим закреплением специальных норм, посвященных их охране.

Искусственный интеллект может выступать в качестве предмета преступления как компьютерных (ст. 272–274.1 УК РФ), так и общеуголовных преступлений (предусмотренных, например, ст. 167, 168 УК РФ и другими). Признание искусственного интеллекта в качестве потерпевшего сейчас несвоевременно, поскольку развитие самообучаемых компьютерных программ еще не достигло такого уровня, чтобы поставить их на одну ступень с человеком в контексте социальной значимости.

Искусственный интеллект может выступать в качестве орудия и средства совершения преступления, поскольку силами преступника может быть направлен для непосредственного воздействия на объект преступления либо для облегчения воздействия. В совокупности с другими устройствами использование самообучаемых программ может образовывать высокотехнологичный способ совершения преступления, хотя сама программа и не является способом.

Уголовное законодательство «запаздывает» в области регулирования отношений связанных с использованием систем искусственного интеллекта, в то время как уже имели место несколько общественно опасных деяний с участием самообучаемых компьютерных программ.

Деятельность искусственного интеллекта объективно может представлять общественную опасность, и может причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Искусственный интеллект может своими действиями или бездействиями полностью реализовать объективную сторону ряда составов преступлений, предусмотренных отечественным уголовным законодательством, а в будущем, при наличии антропоморфного тела, перечень таких составов будет существенно расширен, вплоть до охвата всей Особенной части УК РФ.

В настоящее время содержание вины искусственного интеллекта весьма отдаленно напоминает содержание интеллектуальных и волевых элементов деятельности человека и характеризуется в большей степени небрежностью. В дальнейшем сходство будет усиливаться и позволит говорить о наличии субъективной противоправности в поведении искусственного разума.

Перечень возможных субъектов преступлений, совершаемых с использованием систем искусственного интеллекта, включает производителя искусственного интеллекта; производителя или продавца продукции, оснащенной искусственным интеллектом; пользователя продукции, оснащенной искусственным интеллектом; иных лиц (например, хакеров). Искусственный интеллект сможет стать полноправным субъектом преступления лишь в том случае, если достигнет самосознания личности и будет признан таковой законодательно. В таком случае, целесообразно использовать термин «искусственное лицо», по аналогии с физическими и юридическими лицами [67, с. 473].

Общественно опасные деяния, связанные с использованием беспилотных транспортных средств, в настоящее время не слишком распространены, но все же имеют место. При этом в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве отсутствуют специальные нормы, посвященные регулированию данных отношений. В то же время действующие статьи УК РФ в основном позволяют квалифицировать потенциальные случаи противоправной эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств, хотя с увеличением объема использования таких средств имеется риск возникновения в будущем правовых пробелов.

В работе обоснована необходимость повышенной уголовно-правовой защиты систем искусственного интеллекта, участвующего в управлении транспортными средствами, с выделением составов посягательств на подобное программное обеспечение в отдельную статью. Предлагаемая редакция статьи может выглядеть следующим образом:

Статья 274.2 Неправомерное воздействие на программно-аппаратные средства высокоавтоматизированного транспортного средства

1. Создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на программно-аппаратные средства высокоавтоматизированного транспортного средства, в том числе для их уничтожения, блокирования, модификации, копирования или нейтрализации средств защиты,-

2. Неправомерный доступ к программно-аппаратным средствам высокоавтоматизированного транспортного средства, в том числе с использованием

компьютерных программ либо иной компьютерной информации, которые заведомо предназначены для неправомерного воздействия на программно-аппаратные средства высокоавтоматизированного транспортного средства, или иных вредоносных компьютерных программ,-

3. Нарушение правил эксплуатации программно-аппаратных средств высокоавтоматизированного транспортного средства либо правил доступа к программно-аппаратным средствам высокоавтоматизированного транспортного средства, если оно повлекло причинение крупного ущерба,-

Также следует обратить внимание на возможность расширения в будущем сферы действия ст. 274.2 УК РФ не только на транспортную, но и на иные сферы, деятельность которых будет в значительной мере зависеть от интеллектуальных систем.

Научные труды и судебная практика показывают, что создание и использование искусственного интеллекта с целью нанесения вреда правам и свободам человека уже имеют место. В дальнейшем число случаев использования систем искусственного интеллекта с преступным умыслом будет возрастать.

Действующее уголовное законодательство не в полной мере охватывает охрану общественных отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта. Более того, сам факт создания вредоносного искусственного интеллекта обладает высокой общественной опасностью, что обуславливает необходимость самостоятельного состава преступления.

Предлагается включить в УК РФ ст. 273.1 УК РФ, диспозиция ч. 1 которой, должна включать такие признаки, как создание, обучение, распространение или использование искусственного интеллекта в целях совершения одного или нескольких преступлений. Кроме того, было бы логично включить в ст. 274.1 УК РФ запрет на создание, обучение, распространение или использование искусственного интеллекта, заведомо предназначенного для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

В то время как автономное и иное оружие с искусственным интеллектом разрабатывается, совершенствуется и используется, нормативно-правовая основа его регулирования практически отсутствует, что не позволяет однозначно оценить статус такого оружия. В то же время, автономное вооружение, в целом, не противоречит положениям международного гуманитарного права. Запретами, установленными Женевскими конвенциями, могут быть охвачены только

следующие разновидности: умышленно разработанные действовать с нарушением таких запретов; обладающие алгоритмами, сенсорами или иными комплектующими, заведомо для пользователя не позволяющими точно соблюдать такие запреты.

В международной научной среде не сложилось единого мнения о необходимости прямого запрета на разработку и использования оружия с искусственным интеллектом. Имеются, в основном, следующие позиции: необходим тотальный запрет автономного оружия; необходим выборочный запрет отдельных видов автономного оружия; необходимо закрепить конкретные правила и принципы использования автономного оружия. Несмотря на то, что наиболее приемлемой кажется позиция тотального запрета автономного оружия, запрет, даже принятый на международном уровне и одобренный большинством государств, вряд ли будет соблюдаться всеми, поэтому он не будет эффективным. Поэтому разумной представляется позиция о необходимости создания конкретных правил и принципов разработки и использования автономного вооружения. Думается, оправданы и отдельные запреты, поскольку они могут подтолкнуть к разработкам в нужном направлении.

Ст. 356 УК РФ является достаточно удачной имплементацией международных актов, но их содержание прямо влияет на возможность применения данной статьи. Поскольку автономное оружие прямо не запрещено международным законодательством, его использование в вооруженном конфликте является разрешенным. Привлечение к уголовной ответственности по ст. 356 УК РФ возможно только в случаях, когда автономное оружие умышленно применялось в нарушение положений Женевских конвенций и других актов международного права участником вооруженного конфликта, обладающим соответствующими полномочиями.

Вероятность существования черного рынка автономного оружия в ближайшее время может стать достаточно высокой. При этом общественная опасность теневого оборота выше, чем у обычного огнестрельного оружия, и может быть вполне сопоставима с оружием массового поражения. Это приводит к выводу о необходимости дифференциации уголовной ответственности в зависимости от предмета преступления. Думается, целесообразно включить в уголовный закон понятие *оружие с искусственным интеллектом*, содержанием которого охватить не только автономное, но и иное оружие, оснащенное самообучаемой программой. Учитывая повышенную опасность, такое

явление может выступать в качестве квалифицирующего признака. Данный признак логично включить в ч. 3 ст. 222, ч. 3 ст. 223, а также дополнить им ч. 2 ст. 225 и ч. 2 ст. 226 УК РФ. Это, на наш взгляд, объективно бы отражало опасность содеянного и способствовало правильному уголовно-правовому регулированию оборота оружия. Вместе с тем, учитывая диспозиции бланкетного характера, прежде всего, требуется усовершенствовать Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», иначе поправки в уголовное законодательство не будут иметь должного эффекта.

Разработанные рекомендации по разрешению уголовно-правовых проблем регулирования общественных отношений, связанных с искусственным интеллектом, думается, могут оказаться весьма полезными в развитии теории уголовного права, а также в законотворческой и иной практической деятельности. Вместе с тем, в монографии уделено внимание лишь небольшой части вопросов. Большое количество проблем еще требуют своего решения. К ним можно отнести соучастие с искусственным интеллектом; посягательства на искусственный интеллект; обстоятельства, исключаящие преступность деяния, связанного с искусственным интеллектом; система отягчающих и смягчающих обстоятельств, связанных с искусственным интеллектом и другие.

Это лишь подчеркивает важность проведения комплексных исследований в будущем со стороны юристов, представителей иных общественных, естественных и технических наук.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные акты

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».

2. IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Заключена в г. Гааге 18.10.1907) // Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 575–587.

3. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. 5-е изд., доп. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. 302 с.

4. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Заключена в г. Гааге 14.05.1954) // Ведомости ВС СССР. 8 февраля 1957 г. № 3. Ст. 54.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [Электронный ресурс] : федер. закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 31.07.2017, № 31 (Часть I), ст. 4743. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».

8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».

9. Об оружии [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ // Российская газета, № 241, 18.12.1996. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».

10. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ, 14.10.2019, № 41, ст. 5700. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».

11. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ, 12.12.2016, № 50, ст. 7074. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».

12. О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 // Собрание законодательства РФ, 03.12.2018, № 49 (часть VI), ст. 7619. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».

13. ГОСТ Р 43.0.5-2009 Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Информационно-обменные процессы в технической деятельности. Общие положения : принят 15.12.2009 ; действ. с 01.01.2011. М: Стандартинформ, 2009. URL: <https://legallacts.ru/doc/prikaz-rostekhregulirovaniya-ot-15122009-n-959-st-ob-utverzhdenii-natsionalnogo/> (дата обращения 07.01.2020).

Законодательство зарубежных стран

14. Road Traffic Act 1988 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/52/contents> (date of the application 23.11.2019).

Диссертации, авторефераты диссертаций

15. Гайфутдинов Р. Р. Понятие и квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации : диссертация ... кандидата юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2017. 243 с.

Учебная, монографическая и справочная литература

16. Акимов В. А., Бодаевский В. П., Козинцев С. А. Военные преступления в уголовном праве России : монография. Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2019. 144 с.

17. Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии основанные на знаниях : учебник. М., 2012. 664 с.

18. Гладких В.И. Курчеев В. С. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник. М.: Новосибирский государственный университет, 2015. 614 с.

19. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография. М., 2017. 257 с.
20. Мосечкин И. Н. Мотивы и цели преступления : учебное пособие. Киров, 2018. 101 с.
21. Пожарский А. Ю., Чучаев А. И. Транспортные преступления. Понятие, виды, характеристика. М. : Проспект, 2018. 254 с.
22. Ручкин В.Н., Фулин В. А. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы. СПб. : БХВ-Петербург, 2009. 240 с.
23. Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве : курс лекций. Нижний Новгород, 2008. 244 с.
24. Уголовное право России. Особенная часть в 2 т. Том 2 : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / О. С. Капинус и др. М. : Издательство Юрайт, 2019. 639 с.
25. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М.: ИНФРА-М, 2013. 352 с.
26. Abney K., Bekey G. A., Lin P. Robot ethics: The ethical and social implications of robotics. Massachusetts : The MIT Press, 2012. 400 p.
27. Anderson K., Waxman M. C. Law and Ethics for Autonomous Weapon Systems: Why a Ban Won't Work and How the Laws of War Can (April 10, 2013). URL: <https://ru.scribd.com/document/134765163/Law-and-Ethics-for-Autonomous-Weapon-Systems> (date of the application 20.01.2020).
28. Hallevy, G. When Robots Kill: Artificial Intelligence Under Criminal Law. Boston, 2013. 272 p.
29. Negnevitsky M. Artificial intelligence: a guide to intelligent systems. Pearson education, 2005. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=1BxYQnrfv9MC&oi=fnd&pg=PR11&dq=artificial+intelligence+&ots=GWevZKTmUA&sig=ChXKFLimlDD0aIwcZW_NHDCY3-Y&redir_esc=y#v=onepage&q=artificial%20intelligence&f=false (date of the application 30.12.2019).
30. Pagallo U. The laws of robots: crimes, contracts, and torts. Dordrecht, 2013. 200 p.
31. Sunde, I. M. A new thing under the sun?: Crime in the digitized society. NSfK's 58. Research Seminar: New challenges in criminology: Can old theories be used to explain or understand new crimes? / under ed. I A. Kinnunen. Bifröst : Scandinavian Research Council for Criminology P. 60–79.

32. Wang P. Death by Hacking: The Emerging Threat of Kinetic Cyber. Combating Violent Extremism and Radicalization in the Digital Era / under ed. M. Khader et al. Hershey : IGI Global, 2016. P. 452–468.

33. Wheeler B. Giving Robots a Voice: Testimony, Intentionality, and the Law. Androids, Cyborgs, and Robots in Contemporary Culture and Society / under ed. S. J. Thompson. Hershey : IGI Global, 2018. P. 1–34.

Публикации в периодической печати

34. Аверинская С. А., Севостьянова А. А. Создание искусственного интеллекта с целью злонамеренного использования в уголовном праве Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 2. С. 94–96.

35. Апостолова Н. Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 135–141.

36. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. Т. 6. №. 55. С. 46–62.

37. Бальжинимаева В. В. Юридическое лицо как потерпевший в уголовном праве // Вестник ВЭГУ. 2017. № 5 (91). С. 133–139.

38. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 43–49.

39. Безверхов А. Г. О предмете имущественных преступлений Безверхов // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. С. 74–79.

40. Бугаков И. А., Царьков А. Н. О когнитивном моделировании, искусственном интеллекте и психике роботов // Известия Института инженерной физики. 2018. № 2 (48). С. 101–106.

41. Буренок В. М., Дурнев Р. А., Крюков К. Ю. Разумное вооружение: будущее искусственного интеллекта в военном деле // Вооружение и экономика. 2018. № 1 (43). С. 4–13.

42. Васильев А. А., Шпоппер Д., Матаева М. Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 35–44.

43. Вепрев С. Б., Нестерович С. А. О некоторых криминальных направлениях в использовании искусственного интеллекта // Вестник науки. 2019. Т. 2. № 6 (15). С. 377–383.

44. Вокин Г. Г. Элементы искусственного интеллекта, информационные средства и роботы как ключевые составные части дистанционно-кибернетического оружия // Информационно-технологический вестник. 2017. № 3 (13). С. 14–29.

45. Воробьев В. В. О предмете преступления, его месте в составе преступления и особенностях в компьютерных преступлениях // Символ науки. 2015. № 6. С. 221–223.

46. Глебов И. Н. Правовое регулирование автономных роботизированных средств ведения войны // Российское государствоведение. 2018. № 3. С. 104–116.

47. Десфонтейнес Л. Г. Научные и житейские подходы к определению понятия «интеллект» // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 1. С. 50–53.

48. Дремлюга Р. И., Зотов С. С., Павлинская В. Ю. Критическая информационная инфраструктура как предмет преступного посягательства // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 130–139.

49. Елхов Г. А. Искусственный интеллект и проблема моделирования его самосознания // Молодой ученый. 2014. №. 16. С. 200–202.

50. Ерахтина Е. А., Тирранен В. А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 36–41.

51. Живаев Д. В. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в современной России: уголовно-правовой аспект // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 1. С. 103–114.

52. Камышанский В. П., Корецкий А. В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть закона. 2019. № 1 (37). С. 42–50.

53. Канушкин С. В. Реализация функциональных возможностей интеллектуальных роботов в работе правоохранительных органов // Правовая информатика. 2018. № 2. С. 23–38.

54. Кибальник А. Г., П. В. Волосюк. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. №3 (44). С. 173–179.

55. Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3. С. 134–143.

56. Козаев Н. Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 1. С. 96–101.

57. Коробеев А. И., Дремлюга Р. И., Кучина Я. О. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголов-

но-правовой анализ ситуации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 416–425.

58. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79–102

59. Лапунин М. М. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, и научно-технический прогресс // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 6 (62). С. 81–87.

60. Лапунин М. М. Уголовно-правовое воздействие в сфере эксплуатации техники на основе искусственного интеллекта // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 29–30 марта 2018 г. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2018. С. 155–162.

61. Лапунин М. М., Лапунина Е. В. Влияние научно-технического прогресса в области искусственного интеллекта на эволюцию уголовного права // Шестые юридические чтения : сб. статей, Сыктывкар, 23–24 ноября 2018 г. Сыктывкар : Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2019. С. 131–138.

62. Лисун Е. А., Шищенко Е. А. Интернет-вымогательство как новый способ совершения преступления // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : сб. статей по материалам 72-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2016 год, Краснодар, 01 февраля–01 марта 2017 г. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2017. С. 791–794.

63. Маткова А. А. Почему в ближайшие 3 года операционистов в банках может заменить искусственный интеллект? // Экономика. Право. Менеджмент: современные проблемы и тенденции развития. 2017. № 13. С. 1–10.

64. Морхат П. М. Искусственный интеллект с точки зрения международного гуманитарного права // Право и государство: теория и практика. 2017. № 10 (154). С. 18–24.

65. Морхат П. М. К вопросу о правовой дефиниции термина «искусственный интеллект» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 2 (30). С. 74–80;

66. Морхат П. М. К вопросу о соответствии автономных интеллектуальных систем вооружений принципам международного гуманитарного права // Вестник военного права. 2018. № 2. С. 58–65.

67. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 461–476.

68. Москвин В. А. Границы опасности искусственного интеллекта // Инвестиции в России. 2018. № 2 (277). С. 25–35.

69. Муравьева Н. В. Экономические аспекты и практические основы развития искусственного интеллекта в России на современном этапе // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. №. 7(2). С. 56–60.

70. Новикова Н. И. Искусственный интеллект: риски и угрозы // Информационные системы и технологии в моделировании и управлении: сб. статей: по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Посвящается 75-летию Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте, Ялта, 21–23 мая 2019 г. Ялта : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. С. 41–44.

71. Петров С. Т., Расторгуев С. П. Автономное оружие как следующая эволюционная ступень развития оружия // Стратегическая стабильность. 2016. № 1 (74). С. 10–13.

72. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

73. Понятие агента в системах искусственного интеллекта / О. А. Мелихова, О. В. Вепринцева, В. С. Чумичев и др. // Технические науки – от теории к практике. 2015. № 53. С. 44–51.

74. Сариев К. С. Безэкипажные средства военного назначения // Судостроение. 2018. № 2. С. 15–21.

75. Синельникова В. Н., Ревинский О. В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности. 2017. № 4. С. 17–27.

76. Складов С. В., Евдокимов К. Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. С. 322–330.

77. Старовойтова О. Э. Искусственный интеллект и его влияние на формирование развития права // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 1. С. 52–56.

78. Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 753–766.

79. Тихонова С. С. Легальное дефинирование как способ конкретизации уголовно-правовых предписаний в особенной части современного кодифицированного уголовного закона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 63–70.

80. Узденов Р. М. Новые границы киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 649–655.

81. Федышина П. В. Соотношение орудий, средств и способа совершения преступления // Криминалистика. 2016. № 1 (18). С. 31–34.

82. Цуканова Е. Ю., Скопенко О. Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 4А. С. 42–48.

83. Шестак В. А., Волеводз А. Г., Ализаде В. А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 547–554.

84. Щербаков М. Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3. С. 73–81.

85. Энгельгардт А. А. Уголовно-правовая оценка создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ (информации) // Lex russica (Русский закон). 2014. Т. 96. № 11. С. 1316–1325.

86. Юренко Н. И. Роботы-потенциальные субъекты права: миф или реальность? // Инновации в науке и практике. 2017. С. 45–51.

87. Abatzoglou J. T., Williams A. P. Impact of anthropogenic climate change on wildfire across western US forests // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2016. Vol. 113. I. 42. P. 11770–11775.

88. Abbott R., Sarch A. Punishing artificial intelligence: legal fiction or science fiction // *University of California, Davis, Law Review*. 2019. Vol. 53. P. 323–384.
89. Altmann J., Sauer F. Autonomous weapon systems and strategic stability // *Survival*. 2017. Vol. 59. № 5. P. 117–142.
90. Artificial intelligence crime: An interdisciplinary analysis of foreseeable threats and solutions / King T.C., L. Floridi, N. Aggarwal, M. Taddeo // *Science and engineering ethics*. 2020. Vol. 26. № 1. P. 89–120.
91. Asaro P. On banning autonomous weapon systems: human rights, automation, and the dehumanization of lethal decision-making // *International Review of the Red Cross*. 2012. Vol. 94. I. 886. P. 687–709.
92. Beck S. Intelligent agents and criminal law – Negligence, diffusion of liability and electronic personhood // *Robotics and Autonomous Systems*. 2016. Vol. 86. P. 138–143.
93. Bini S. A. Artificial intelligence, machine learning, deep learning, and cognitive computing: what do these terms mean and how will they impact health care? // *The Journal of arthroplasty*. 2018. Vol. 33. I. 8. P. 2358–2361.
94. Bostrom N. Strategic implications of openness in AI development // *Global Policy*. 2017. Vol. 8. I. 2. P. 135–148.
95. Brain intelligence: go beyond artificial intelligence / H. Lu, Y. Li, M. Chen et al. // *Mobile Networks and Applications*. 2018. T. 23. № 2. P. 368–375.
96. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence // *Computer Law & Security Review*. 2015. Vol. 31. I. 3. P. 376–389.
97. Cyber Threats Facing Autonomous and Connected Vehicles: Future Challenges / S. Parkinson, P. Ward, K. Wilson et. al // *IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems*. 2017. T. 18. № 11. P. 2898–2915.
98. Diels C., Bos J. E. Self-driving carsickness // *Applied ergonomics*. 2016, Vol. 53, P. 374–382.
99. Douma F., Palodichuk S. A. Criminal liability issues created by autonomous vehicles // *Santa Clara Law Review*. 2012, Vol. 52, P. 1157–1169.
100. Ezrachi A., Stucke M. E. Artificial Intelligence & Collusion: When Computers Inhibit Competition // *University of Illinois Law Review*. 2017. Vol. 5. P. 1775–1810.
101. Floridi L. Artificial intelligence, deepfakes and a future of ec-types // *Philosophy & Technology*. 2018. Vol. 31. I. 3. P. 317–321.

102. Furmankiewicz M., Sołtysik-Piorunkiewicz A., Ziuziański P. Artificial intelligence systems for knowledge management in e-health: the study of intelligent software agents // *Latest Trends on Systems: The Proceedings of 18th International Conference on Systems*, Santorini Island, Greece. 2014. P. 551–556.
103. Gless S., Silverman E., Weigend T. If Robots cause harm, Who is to blame? Self-driving Cars and Criminal Liability // *New Criminal Law Review: In International and Interdisciplinary Journal*. 2016. Vol. 19, I. 3, P. 412–436.
104. Gregory S. The terrorist threat to Pakistan's nuclear weapons // *CTC Sentinel*. 2009. Vol. 2. I. 7. P. 1–4.
105. Hamet P., Tremblay J. Artificial intelligence in medicine // *Metabolism*. 2017. Vol. 69. P. S36–S40.
106. Horsman G. Unmanned aerial vehicles: A preliminary analysis of forensic challenges // *Digital Investigation*. 2016, Vol. 16, P. 1–11.
107. Huang M. H., Rust R. T. Artificial intelligence in service // *Journal of Service Research*. 2018. Vol. 21. I. 2. P. 155–172.
108. Hubig C. Benefits and Limits of Autonomous Systems in Public Security // *European Journal for Security Research*. 2019. P. 1–13.
109. Kingston J. K. Artificial Intelligence and Legal Liability // *Research and Development in Intelligent Systems XXXIII: Incorporating Applications and Innovations in Intelligent Systems XXIV* : Conference Paper. Cambridge, 2016. P. 269–279.
110. Klineciewicz M. Autonomous weapon systems, asymmetrical warfare, and myths // *Civitas*. Vol. 23. 2018. URL: <https://philpapers.org/rec/KLIAWS-2> (date of the application 13.01.2020).
111. Liu H. Y. Irresponsibilities, inequalities and injustice for autonomous vehicles // *Ethics and Information Technology*. 2017. Vol. 19. I. 3. P. 193–207.
112. Mapping the Landscape of Human-Level Artificial General Intelligence / S. Adams, I. Arel, J. Bach et. al // *AI magazine*. 2012. Vol. 33. I. 1. P. 25–42.
113. Marchant G. E. Artificial Intelligence and The Future of Legal Practice // *Scitech Lawyer*. 2017. Vol. 1. P. 20–23.
114. Milder N. D. Let's get real about self-driving cars: The transition will take a significant amount of time // *Journal of Urban Regeneration & Renewal*. 2018, Vol. 11, I. 3, P. 223–232.
115. Neff G., Nagy P. Automation, algorithms, and politics| talking to Bots: Symbiotic agency and the case of Tay // *International Journal of Communication*. 2016. Vol. 10. P. 4915–4931.

116. Olalekan O. S. Autonomous vehicles and tortious liability: an Islamic perspective // *Jurnal Syariah*. 2018, vol. 26, I. 1, P. 99–122.
117. Radutniy O. E. Criminal Liability of the Artificial Intelligence // *Problems of Legality*. 2017. I. 138. P. 132–141.
118. Rahtz M. Truth in the 'killer robots' angle? // *AI Matters*. 2017. Vol. 3. I. 3. P. 39–46.
119. Rughani P. H. Artificial Intelligence Based Digital Forensics Framework // *International Journal of Advanced Research in Computer Science*. 2017. Vol. 8. I. 8. P. 10–14.
120. Schmitt M. N., Thurner J. S. Out of the loop: autonomous weapon systems and the law of armed conflict // *Harv. Nat'l Sec. J*. 2012. Vol. 4. P. 231.
121. Schuller A. L. At the crossroads of control: The intersection of artificial intelligence in autonomous weapon systems with international humanitarian law // *Harv. Nat'l Sec. J*. 2017. Vol. 8. P. 379.
122. Seymour J., Tully P. Weaponizing data science for social engineering: Automated E2E spear phishing on Twitter // *Black Hat USA*. 2016. T. 37. URL: <https://www.blackhat.com/docs/us-16/materials/us-16-Seymour-Tully-Weaponizing-Data-Science-For-Social-Engineering-Automated-E2E-Spear-Phishing-On-Twitter-wp.pdf> (date of the application 14.01.2020)
123. Siau K., Yang Y. Impact of artificial intelligence, robotics, and machine learning on sales and marketing // *Twelve Annual Midwest Association for Information Systems Conference (MWAIS 2017)*. 2017. URL: <https://aisel.aisnet.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1047&context=mwais2017> (date of the application 10.01.2020)
124. Somasundaram M. S., Jaidev. A perspective on natural and artificial intelligence // *The Information Society*. 1989. Vol. 6. I. 4. P. 197–209.
125. Sparrow R. Robots and respect: Assessing the case against autonomous weapon systems // *Ethics & International Affairs*. 2016. Vol. 30. I. 1. P. 93–116.
126. Wei L. Legal risk and criminal imputation of weak artificial intelligence // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. IOP Publishing, 2019. Vol. 490. I. 6. P. 1–6.
127. Yampolskiy R. V. Taxonomy of pathways to dangerous artificial intelligence // *Workshops at the Thirtieth AAAI Conference on Artificial Intelligence*. 2016. P. 143–148.

Судебно-следственная практика

128. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 16.09.2015 по делу 33-30344. // Мосгорсуд [сайт]. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/0715f6a5-4062-4baa-a7c2-45a4c178f4e0?formType=shortForm&caseNumber=&participant=%D0%91%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%2C+%D0%93%D1%83%D0%B3%D0%BB&uid=&year=&caseDateFrom=&caseDateTo=&caseFinalDateFrom=&caseFinalDateTo=&caseJudgeTeam=&category=&publishingState=&firstCaseNumber=&firstCourt=&hearingRangeDateFrom=&hearingRangeDateTo=&sessionRoom=&sessionRangeTimeFrom=&sessionRangeTimeTo=&docsDateFrom=&docsDateTo=&documentStatus=&documentType=> (дата обращения 13.01.2020).

129. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 // Российская газета, № 35, 17.02.2012. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».

130. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 // Российская газета, № 251, 31.10.2012. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».

Иные электронные ресурсы

131. Беспилотник Uber сбил насмерть пешехода из-за настроек автопилота. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2018/05/08/768916-bespilotnik-uber-sbil> (дата обращения 28.12.2019).

132. Минобороны: в России уже есть образцы вооружения с технологиями искусственного интеллекта // ТАСС. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5485116> (дата обращения 10.01.2020).

133. Artificial intelligence // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/technology/artificial-intelligence> (date of the application 09.01.2020)

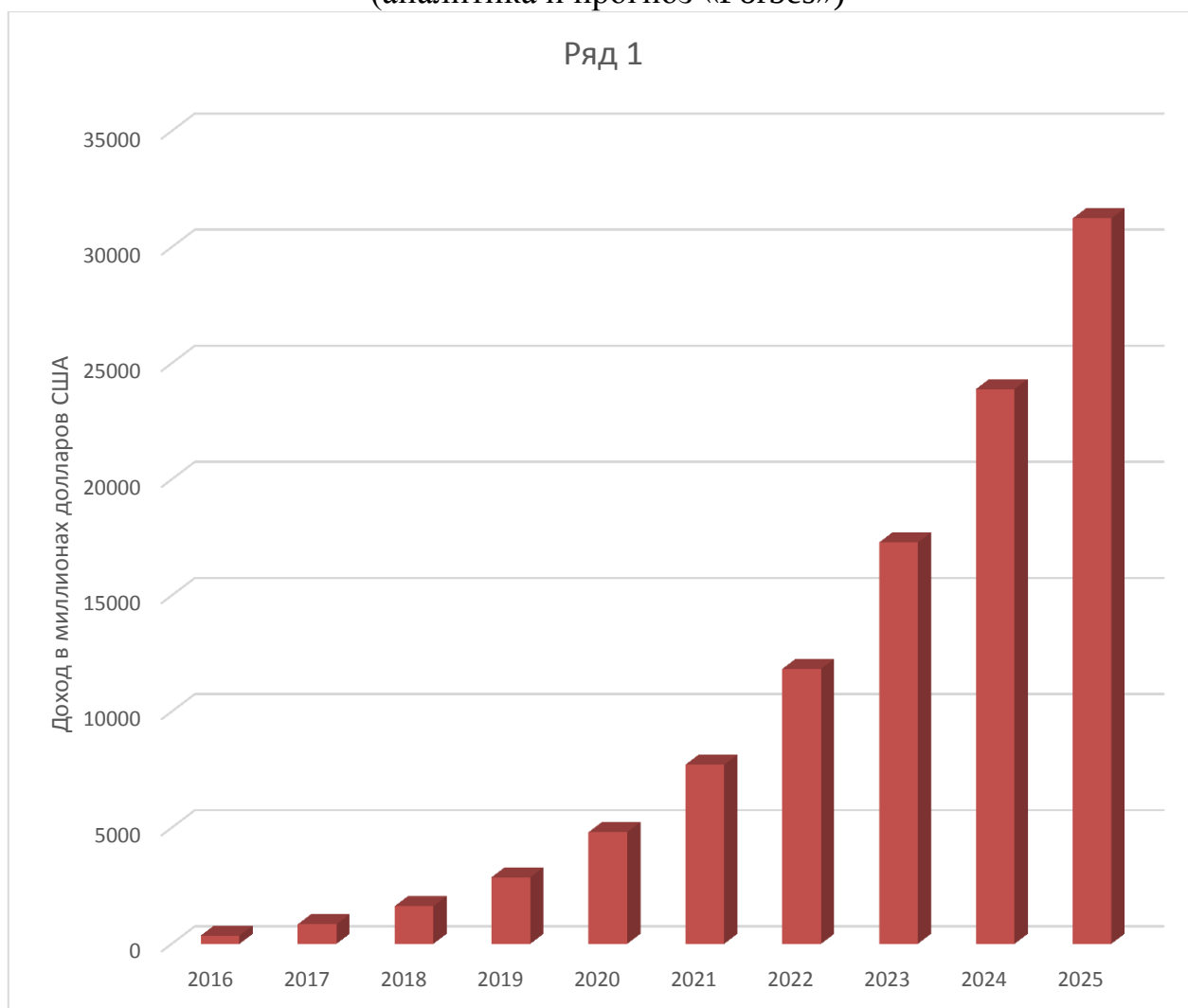
134. Courting change: the verdict on AI and the courts. URL: <https://www.centreforpublicimpact.org/courting-change-verdict-ai-courts/> (date of the application 10.01.2020).

135. Norman // Norman MIT. URL: <http://norman-ai.mit.edu/> (date of the application 03.07.2018).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Доходы от применения искусственного интеллекта для рынка
корпоративных приложений по всему миру с 2016 по 2025 годы
(аналитика и прогноз «Forbes»)

Соотношение понятий, связанных с искусственным интеллектом

Вопросы, требующие разрешения в науке уголовного права

ИИ как предмет
преступления или
потерпевший

ИИ как субъект
преступления

ИИ как способ
совершения
преступления

ИИ как орудие и
средство
совершения
преступления

Соучастие с ИИ

Научное издание

Мосечкин Илья Николаевич

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОХРАНЫ
И РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Редактор *Ю. В. Булдакова*

Компьютерная верстка *Л. А. Кислицына*

Подписано в печать 03.06.2020 г.

Выход в свет 26.06.2020 г.

Формат 60×84/16.

Печать цифровая.

Бумага для офисной техники.

Усл. печ. л. 6,6.

Тираж 500 экз.

Заказ № 6298.

Вятский государственный университет
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vyatsu.ru, www.vestnik43.ru
Тел. 20-89-64 (Научное издательство ВятГУ)

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36